
Олег Игоревич
АНАНИН

ЭКОНОМИКА:
НАУКА И/ИЛИ ИСКУССТВО

Москва
Институт экономики
2007

Ананьин О.И. Экономика: наука и/или искусство (научный доклад). — М.: Институт экономики РАН, 2007. — 66 с.

Доклад посвящен методологическому анализу прикладного экономического знания, его взаимоотношениям с теоретическим знанием. Выделяются этапы в истории взаимоотношений двух типов знания, эпистемологические особенности прикладной экономики, на примере использования экономического моделирования при формировании экономической политики анализируется зарубежный опыт организации прикладных экономических исследований.

The paper provides methodological analysis of applied economic knowledge, and its relationships with theoretical knowledge. Stages in the history of these relationships, as well as specific features of applied economics are identified. A survey of international experiences of the application of economic modeling in policy-making is added to exemplify organisational problems in the field of applied economics.

©
Ананьин О.И.,
2007

©
Институт экономики РАН,
2007

Оглавление

Глава I.	
Прикладная экономика: к истории вопроса	5
1.1. Экономика как наука и как искусство	6
1.2. Прикладная экономика в классификации Д.Н. Кейнса	14
1.3. XX век: онаучивание практики и прагматизация науки	19
Глава II.	
О понятии «прикладная экономика»	24
Глава III.	
Виды прикладного знания и их методологические особенности	27
3.1. Отношение к цели	27
3.2. Научные и деятельностные онтологии	29
Глава IV.	
Опыт взаимодействия теории и практики: прикладные экономические модели	36
4.1. Модели теоретические и прикладные	36
4.2. Модели и политики	41
4.3. Опыт организации	46
Глава V.	
Прикладная экономика как искусство: некоторые выводы	53
Литература	56
Сноски	61

Под методологией экономической науки, как правило, подразумевается методология экономико-*теоретического* познания. В то же время значительную, возможно преобладающую, часть своих усилий экономисты направляют на исследования и разработки, которые едва ли можно отнести к разряду теоретических. До недавнего прошлого этот обширный корпус знания крайне редко попадал в поле зрения методологов. В последние годы ситуация стала меняться. Стык экономической теории и практики все больше осознается как проблемное звено в системе экономического знания. Соответственно экономисты-методологи начинают более пристально присматриваться к формам знания, заполняющим «эпистемологическое пространство» между «чистой» теорией и собственно практикой экономических решений и действий, логику которых эта теория призвана выявлять, а в какой-то мере, вероятно, и направлять¹.

Это, казалось бы, простое расширение объекта изучения на самом деле радикально меняет всю его картину. Прежде всего отпадает ставшее привычным отождествление науки с теорией. Отношение науки к объекту познания дополняется ее отношением к области применения. Соответственно под вопрос ставится «натуралистическое», по выражению Г. П. Щедровицкого, отношение к объекту исследования — вера в его данность исследователю, независимо от целей и ценностных установок последнего².

ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Выражения «практическое применение экономической теории», «прикладное экономическое знание», или просто «прикладная экономика» могут иметь разный смысл, в зависимости от того, что подразумевается под экономической *теорией*. С развитием экономической науки характер теоретического знания и его взаимоотношения с практикой заметно менялись.

На первых этапах развития экономической науки понятие теории ассоциировалось с постижением сущности явлений, т. е. способностью науки проникать за внешнее многообразие и изменчивость эмпирического мира и «видеть» его неизменную природу и закономерность. Все, что не сводилось к теории, воспринималось как результат действия более или менее случайных факторов. Такие явления не считались достойным предметом науки. Так, в период научного лидерства классической политэкономии вне теоретического ядра науки оставалось все, что отклоняло экономику от траектории равномерного и сбалансированного роста. Теория, например, признавала «закон рынков сбыта» Ж.-Б. Сэя, несмотря на то, что он был несовместим с эмпирически наблюдавшимися общими кризисами перепроизводства. Подобные кризисы считались случайными отклонениями от нормы и соответственно предметом заботы скорее специалистов-практиков, чем теоретиков.

Аналогично расценивались первые попытки осмысления механизма денежных кризисов, связанные, в частности, с именем Г. Торнтона³. Фактически речь шла о попытке описать процессы, характеризующие *неравновесную* экономику. Оценка главного сочинения Торнтона, высказанная в середине XIX в. Д.С. Миллем — тогдашним лидером классической школы, весьма показательна. «*Эта работа, изданная в 1802 г., — писал Милль, — даже сейчас (1848 г.) является самым лучшим из известных мне исследований на английском языке, посвя-*

ценных способам предоставления и получения кредита в торговле» (Милль—2007. С.563). Значение работы Торнтона здесь явно сведено к разработке конкретного практического вопроса — о вкладе в экономическую *теорию* нет даже намека. Узость понимания теории, лежащая в основе характеристики Милля, стала очевидной лишь ретроспективно, после кейнсианской революции, когда макроэкономика краткосрочных (конъюнктурных) процессов утвердилась в качестве необходимого раздела экономической теории. Тогда же созрели условия для переоценки места идей Торнтонна в истории экономической теории, что и было сделано в работах крупнейших теоретиков XX в.⁴ Приведенный пример расширения тематического поля экономической теории — частный случай общенаучной тенденции.

Такое представление о науке было типичным выражением *классического типа научной рациональности* (см.: Степин—2000), который внушал веру в способность универсальных научных методов постигать простые истины, лежащие в основе мироздания. Знание таких истин давало практике в лучшем случае общие ориентиры. Соответственно в период господства классической политэкономии теоретики стремились открывать экономические законы, практики учились их использовать.

1.1. Экономика как наука и как искусство

Концептуальным воплощением выше указанной установки стало разделение политической экономии на «науку» и «искусство». Намеченное еще И. Бентамом и Н. Сениором, это разграничение было развито Д.С. Миллем в его известном методологическом очерке — первой в истории экономической науки целенаправленной попытке определить ее предмет и метод. Наряду с наукой как «собранием истин», Милль выделил искусство как «набор правил поведения, руководство к действию»⁵.

Исторически экономика как *искусство* предшествовала экономике как *науке*. Еще во времена А. Смита политическая экономия понималась именно как искусство, что зафиксировано и в его собственном определении из *Введения* к IV книге «*Богатства народов*»:

«Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-пер-

вых, обеспечить народу обильный доход или средства существования или, точнее, обеспечить ему возможность добывать себе такой доход или средства существования; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя» (Смит (1776)—2007. С. 419).

В эпоху Д.С. Милля теоретизация экономики как отрасли знания прошла только свой первый этап. Под политико-экономической наукой Милль подразумевал рикардianскую теорию. Он квалифицировал ее как «абстрактную», ее единственно возможным методом называл «абстрактную спекуляцию», а наилучшим результатом — «абстрактную истину». Абстрактность политической экономии как науки проистекала из того, что в сферу своего анализа она вовлекала только *главные причины* хозяйственного поведения людей, абстрагируясь от прочих, *дестабилизирующих* (*disturbing*, в терминах Милля) *причин*. Соответственно он понимал, что для решения практических проблем полученных таким путем истин недостаточно. Отсюда и потребность в искусстве политической экономии: «Когда нужно применить принципы политической экономии в определенном случае, необходимо принимать во внимание все единичные обстоятельства этого случая» (см.: Милль—2007. С. 990,1011). В «Системе логики» Милль предложил целый механизм взаимодействия науки и искусства:

«Искусство ставит цель, которую нужно достичь, определяет эту цель и передает ее науке. Наука ее принимает, рассматривает ее, как явление или факт, подлежащий изучению, а затем, разобрав причины и условия этого явления, отсылает его обратно искусству с теоремой относительно того сочетания обстоятельств и — в зависимости от того, находятся ли какие-либо из них в человеческой власти или нет — объявляет цель достижимой или недостижимой. Таким образом, искусство дает одну первоначальную, большую посылку, утверждающую, что достижение данной цели желательно. Наука предлагает искусству положение (полученное при помощи ряда индукций и дедукций), что совершение известных действий поведет к достижению поставленной цели. Из этих посылок искусство заключает,

что совершение таких действий желательно; а раз оно находит их и возможными, оно превращает теорему в правило или предписание» (Милль—1914. С. 861).

При этом Милль подчеркивал, что с подобным взаимодействием никакая отдельная наука не справится: «...хотя необходимым основанием любого искусства служит наука, отсюда не следует, что всякий вид искусства согласуется с одной конкретной наукой. Предпосылкой каждого искусства служит не одна из наук, а наука в целом или, по крайней мере, ряд отдельных наук» (Mill—1948. P.152). В более жесткой форме ту же мысль выражал один из лидеров последнего поколения британских классиков Джон Кэрнс. Политическую экономию он называл «гипотетической наукой», нейтральной в ценностном отношении и поэтому вообще не предназначенной давать практические рекомендации:

«...Найдется мало практических проблем, — указывал Кэрнс, — в которых не представлены иные аспекты, кроме чисто экономических, — политические, моральные, образовательные, художественные, влияние которых может быть столь весомым, чтобы отклонить чашу весов от чисто экономических решений. По поводу относительной значимости такого рода противоречивых соображений Политическая Экономия не предлагает какого-либо мнения или суждения, оставаясь нейтральной между противоборствующими социальными схемами» (Cairnes—1888. P.37).

Разграничение науки (фактически — абстрактной теории) и искусства политической экономии было важным ходом в полемике вокруг тогдашней ортодоксальной политико-экономической теории. Одна из главных претензий в адрес теории Рикардо состояла в том, что достаточно абстрактные положения этой теории служили основанием весьма конкретных, претендующих на универсальность экономико-политических выводов. В 1830-е годы эта проблема обсуждалась в рамках классической школы (Р. Джонс, Т. Мальтус), а в середине XIX в. — стимулировала формирование исторической школы, бросившей вызов классической политэкономии в целом как эталону экономической науки. Отделяя науку от ее практического применения, Д. С. Милль и Кэрнс явно пытались отвести критику от теоретического ядра рикардизма, пусть и ценой ослабления позиций в дискуссиях

по вопросам экономической политики.

Однако такого оборонительного маневра оказалось недостаточно, и последняя четверть XIX в. стала периодом первого крупного кризиса в истории экономической науки. Его явственным выражением был знаменитый «спор о методе». Вопреки распространенному мнению, в центре этого спора находился именно вопрос о взаимоотношении теории и практики, а вовсе не банальная полемика об индукции и дедукции.

Часть критиков классической школы исходила из того, что политическая экономия — это наука, призванная определять путь социально-экономического развития страны, и потому она должна генерировать знание, соединяющее в себе объективное и нормативное начала. Так, К. Книс писал о политэкономии как «теории, которая делает предметом своего исследования... жизнь народов, где всякая частица будущего тесно спаяна со всем прошлым» и потому «не может ограничиться простым фотографическим воспроизведением того, что было, и того, что есть. Исследуя жизнь в ее движении, подобная теория, наряду с вопросом «откуда», должна также поставить вопрос «куда»...» (Книс—1924. С. 83).

Большинство участников «спора о методах» приняли идею Д. С. Милля о неоднородности экономических знаний, в частности наличии среди них как научных знаний о сущем, так и практических знаний-рецептов. Поэтому основные разногласия сконцентрировались вокруг вопросов о характере и соотношении разных видов знания, их значении для практики.

Лидер немецкой исторической школы Г. Шмоллер выделял два пути экономического познания: синтетический и аналитический, отмечая сильные и слабые стороны каждого и настаивая на их сочетании. По критерию объективности и надежности знания, Шмоллер признавал приоритет аналитического пути:

«...разлагая явления на мелкие и мельчайшие составные части, он (человеческий разум) наблюдает последние, описывает, называет, классифицирует, приходит с помощью индукции и дедукции к объяснению причин, из которых протекает каждое явление. Результаты этого методического, эмпирического изучения отдельных явлений получают одинаковыми для каждого исследовате-

ля, раз он употребляет правильные приемы изучения; здесь не существует уже никаких сомнений и колебаний» (Шмоллерь—1902. С.113).

Более того, он признавал, что *«телеологический и синтетический путь познания и истолкования» «разных людей и в разное время приводил к различным результатам»* (Шмоллерь—1902. С. 113). И тем не менее аналитическому пути — которому прежде следовал Рикардо, а позже избрал К. Менгер — Шмоллер отводил вспомогательную роль, отмечая, что его результаты — *«не последние истины»*, поскольку *«основываются на фикции постоянства данного культурного состояния»*. Приоритетным для Шмоллера был именно синтетический путь, ведущий к познанию эмпирических законов, которые характеризуют изменения хозяйственных форм, и так называемых *«законов развития»*, которые вскрывают *«причины, обуславливающие... порядок смены явлений»*. Общий вывод Шмоллера близок позиции Кнуса: *«...изучение народного хозяйства... делается наукой в собственном смысле слова, отделяясь в качестве самостоятельной части от этики»* и на основе познания отдельных явлений *«стремится давать предварительные образы целого, выставляя идеалы и практические учения»* (Шмоллерь—1902. С. 110—111,114).

Более радикальную позицию защищал один из лидеров британской исторической школы У. Каннингэм. Как и Шмоллер, он противопоставлял два пути исследования: (а) от событий к их причинам (*«выделять экономические явления и вести поиск условий, которые вызвали их к жизни»*) и (б) от причин к следствиям (*«выделить экономические причины и попытаться вывести из них необходимые следствия»*) (Cunningham(1892)—1997. P.33).

Первый путь он ассоциировал с деятельностью *экономиста-историка*, задача которого — собирать, изучать и осмысливать события в их целостности. Предметом таких исследований служат единичные явления, поэтому метод индукции к ним неприменим, а их познание не ведет к установлению законов, основанных на причинно-следственных связях. Второй путь, присущий *экономисту-теоретику*, вообще не дает, согласно Каннингэму, знания о действительности, предоставляя лишь средства для ее познания. Свое воплощение он находит в *«чистой экономике» (pure economics)* — аналоге чистой логики или геометрии: *«...в то время как (чистая логика) исследует процесс*

мышления и классифицирует его различные формы, (чистая экономика) исследует процесс обмена и анализирует его различные формы». Прогресс чистой теории способен облегчить работу собственно экономиста-исследователя, но не пригоден для выявления причинно-следственных связей в экономических явлениях (Cunningham(1892)–1997. P.30–31, 34). Наконец, переход от знания фактов к практическому знанию Каннингэм связывал с введением в анализ этического начала, в частности представления об идеале: «...мы можем исследовать пути осуществления идеала и тем самым быть практическими» (Cunningham(1892)–1997. P. 39).

Таким образом, историческая школа отводила абстрактному теоретическому анализу не более чем служебную роль по отношению к эмпирическому изучению исторического опыта экономической деятельности как основной задаче ученого-экономиста. При этом эмпирическое изучение экономики могло трактоваться весьма широко, с выходом на тенденции развития и даже стратегии социально-экономических реформ (Книс, Шмоллер); или достаточно узко — как изучение исключительно фактов прошлого и настоящего (Каннингэм). В первом случае практические функции возлагались на экономическую науку непосредственно, во втором случае предполагалось, что наука обеспечивает познание *сущего*, оставляя практикам использовать полученное объективное знание для осуществления *должного* — этически санкционированных целей и идеалов.

Оппоненты исторической школы в «споре о методе» отвергали подобное принижение роли теоретических абстракций в познании экономических явлений. Лидер австрийской школы К. Менгер так определял «отношение теоретических наук к практическим и об-еих их к практике народного хозяйства»:

«...теоретическое учение о народном хозяйстве имеет целью представить нам общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь (законы) народно-хозяйственных явлений, тогда как народнохозяйственная политика и финансовая наука имеют задачей дать нам максимы, сообразно которым, при данных обстоятельствах можно наилучшие споспешествовать народному хозяйству, и наиболее целесообразно устроить финансовое хозяйство. Практика же народного хозяйства состоит в применении публичную

властью практических наук о народном хозяйстве соответственно особенным условиям отдельных стран и народов» (Менгеръ –1894. С. 235–236).

Рис. 1. Классификация экономических наук (по К. Менгеру)

Смысл позиции Менгера проясняет его классификация экономических наук (см. рис. 1), в которой, вслед за Д. С. Миллем, он делил политическую экономию на теоретическую науку и на искусство и, кроме того, вычленил экономическую историю в отдельную ветвь «наук о хозяйстве».

Стоит отметить два момента явно полемического характера. Во-первых, в противовес исторической школе, для которой экономическая история была неотъемлемой и, по существу, основной частью политической экономии, у Менгера она вообще не включена в состав политической экономии. Во-вторых, из двух направлений «теоретической экономии» в приведенной выше характеристике взаимосвязи теории и практики теория представлена лишь одним, а именно: «точным», или абстрактно-теоретическим (его задача, по Менгеру, как раз и состоит в познании «общей сущности и общей связи (законов) явлений»). Другому, «реалистически-эмпирическому» направлению теоретической экономии⁶ в этой схеме Менгера места вовсе не нашлось, несмотря на провозглашенное им «полноправие» обоих направлений (Менгеръ(1894)–1883. С. 31, 43, 245).

Другой лидер маржиналистской революции – Л. Вальрас развивал во многом аналогичный подход. В его классификации экономических знаний (см. рис. 2) «*точному направлению*» Менгера соответствовала «*чистая политическая экономия*»⁷. В качестве двух других разделов экономической науки он выделял: *прикладную политическую экономия*, или искусство (в содержательном отношении имела в виду «теория организации индустрии в рамках разделения труда») и (б) *общественную экономия* как моральную (нормативную) науку о распределении общественного богатства (Вальрас–2000. С. 15, 31).

Вальрас признавал, что «чистая политическая экономия» имеет дело с «идеальным рынком» и «идеальными ценами, находящимися в строгом соотношении с идеальным спросом и предложением», но выражал при этом убеждение в их практической значимости: «*Истины чистой политической экономии дадут решение ... наименее ясных проблем прикладной политической экономии и общественной экономии*» (Вальрас–2000. С. 24).

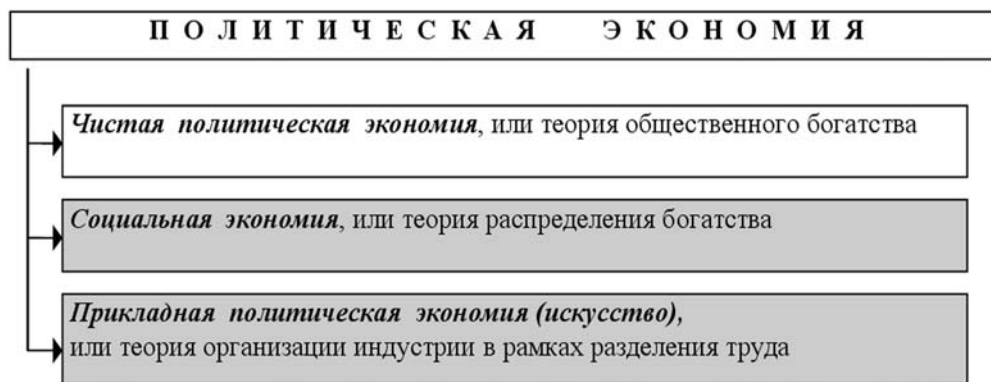

Рис. 2. Структура политической экономии (по Л. Вальрасу)

Итак, важным аспектом «спора о методе» стало осознание неоднородности экономического знания, что стимулировало интерес к его структуре и роли отдельных элементов, обеспечивающих связь между теорией и практикой. Участники «спора» разошлись в трактовке природы теоретических абстракций и соот-

ответственно их значения для практики. Представители исторической школы полагали, что у абстрактных теорий нет эмпирического содержания, или сетовали по поводу их нереалистичности, тогда как их оппоненты настаивали на том, что абстрагирование — это единственный путь к постижению сущности явлений и получению истинного, строго научного знания. Соответственно сторонники исторической школы считали теоретические абстракции полезным, но вспомогательным средством познания, а теоретики-лидеры маржинализма, напротив, рассматривали свои теории как основу других форм экономического знания и необходимую предпосылку успешного решения практических проблем.

1.2. Прикладная экономика в классификации Д. Н. Кейнса

Наиболее известной и авторитетной попыткой обобщить результаты «спора о методе» оказалась монография Д. Невила Кейнса «Предмет и метод политической экономии» (1891, русск. пер.: 1899). Хотя Кейнсу-старшему не удалось ни примирить основных оппонентов, ни дать однозначного решения поставленных в ходе «спора» коренных методологических проблем экономической науки, его книга имела успех, став своего рода эталоном изложения темы предмета и метода экономической науки для нескольких поколений экономистов. Это была нормативная, но весьма либеральная методология. Она разъясняла, какие методы исследования следует считать правильными, и в то же время отдавала должное всем известным тогда методологическим установкам, находя каждой достойное место в общей структуре экономической науки. Либерально-примирительный тон автора⁸ был, судя по всему, с готовностью воспринят большей частью научного сообщества, уставшего от затянувшейся дискуссии.

В содержательном отношении достижением Д. Н. Кейнса стала новая классификация форм экономического знания (см. рис. 3), которая в единой, достаточно стройной схеме объединила идеи, родившиеся в противоположных лагерях участников «спора о методе».

Отправной точкой для Д. Н. Кейнса служил подход Д. С. Милля, т. е. деление политической экономии на науку и искусство. Ключевой новацией стало внутреннее деление науки политической экономии на позитивную («совокупность систематических

Рис. 3. Формы политико-экономического знания (по Д.Н. Кейнсу)

знаний, относящихся к тому, что есть») и нормативную («совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть, и потому имеющих своим предметом идеальное, как нечто отличное от действительности»). В результате базовая структура знания получилась троичной: позитивная экономическая наука занята «поиском закономерностей (uniformities)», нормативная — «определением идеалов», а искусство политической экономики — «формулировкой предписаний, правил для достижения данной цели» (Кейнс(1891)–1899. С. 27–28).

Выстраивая свою классификацию, Д.Н. Кейнс воспринял центральный тезис Менгера и Вальраса об основополагающей роли *чистой (отвлеченной) теории* в общей системе экономического знания. Он лишь уточнил, что абстрактная теория — это часть *позитивной науки* (а не просто разновидность *теории*, как у Менгера). В этом проявилось влияние философии позитивизма и одновременно прямая оппозиция радикалам от исторической школы (напр., Каннингэму), считавшим, что абстрактная теория не имеет собственного эмпирического содержания. Следуя той же логике, Кейнс стремился смягчить тезис Д. С. Милля и Кэрнса о гипотетичности чистой теории, разъясняя, что речь идет лишь о неполноте набора факторов, которые такая теория принимает во внимание:

«Из того, что известный закон носит гипотетический характер... еще не следует, однако, что он лишен реального содержания, т. е. не имеет отношения к действительному ходу явлений. Хотя законы причинной связи с известной точки зрения могут считаться гипотетическими, с другой

точки зрения они должны быть признаваемы категорически, так как они категорически устанавливают способ действия данных причин...»⁹.

Абстрактную (отвлеченную) политическую экономию Кейнс соотнес с *конкретной* политической экономией, которая «не удовлетворяется одними лишь гипотетическими выводами»¹⁰ и в то же время несводима к эмпирическим обобщениям, как это получилось у Менгера. Таким образом, наряду с *индуктивной конкретной наукой* – «прямыми обобщениями опыта» – Кейнс ввел также *конкретную науку*, «основанную на дедуктивном методе», пояснив, что «ее посылки приспособляются к особым условиям отдельных случаев», так что «при формулировании конкретных экономических доктрин мы стремимся установить законы, имеющие силу в пределах данного периода времени или данного общественного строя» (Кейнс (1891)–1899. С. 111-112).

Именно конкретная наука служит Кейнсу главным средством против рикардианского прямого замыкания теории на практику. «Непосредственный переход от чистой теории к истолкованию частных явлений экономической действительности» он называет возможным, но лишь как исключение:

«...Большую часть необходим ряд промежуточных доктрин, которые, обладая известной общностью формы, не носят, однако же, чисто абстрактного характера и не могут быть построены единственно при помощи тех простых и общих данных, которые одни рассматриваются отвлеченной теорией. Этот-то ряд доктрин и образует конкретную политическую экономию, как нечто совершенно отличное от чистой экономической теории» (Кейнс (1891)–1899. С. 113).

Еще один принципиальный вопрос, по которому Кейнс разошелся с исторической школой, – интерпретация и оценка экономической истории. Для Кнуса и Шмоллера политическая экономия и история были неразделимы, поскольку задачу науки они видели в том, чтобы понять тенденции развития конкретного общества как реальную основу экономической политики соответствующего государства. Для Кейнса-старшего экономическая история – это описание хозяйственных явлений минувшего и кон-

статация отдельных фактов, в отличие от теории, задача которой — установление общих законов (см.: Кейнс (1891)—1899. С. 198—199). Он сочувственно цитирует слова Менгера об «историках», которые «пронесли по области нашей науки, как пришлые завоеватели, чтобы навязать нам свой язык и свои обычаи...», и оставляет экономическую историю вне рамок политической экономии. В отношении притязаний исторической школы на раскрытие законов общественного развития Кейнс высказался критически, упрекнув ее лидеров в отождествлении экономической науки с философией экономической истории (см. Кейнс(1891)—1899. С. 241—242, 244). Что же касается учета разнообразия страновых условий экономической деятельности, то эту задачу Кейнс возлагал, как уже отмечалось, на *конкретную экономику*.

Иначе Кейнс отнесся к идее лидеров исторической школы о нормативности политической экономии. Она нашла отражение в его классификации, правда не как свойство любой теории, а в качестве отдельного раздела *науки* политической экономии на стыке с этикой — *нормативной* теории¹¹. Задачи в этой области состояли, по его мнению, в том, чтобы:

(а) «научно определить обязанности людей в их взаимных экономических отношениях и, в особенности, обязанности общества, поскольку оно может своею деятельностью контролировать или видоизменять экономические условия; другими словами, искать критерий для оценки... экономической деятельности...»;

(б) «определять такие идеалы производства и распределения богатства, которые бы наилучше удовлетворяли требованиям справедливости и нравственности» (Кейнс(1891)—1899. С. 47—48).

Наконец, следуя традиции, заложенной Миллем и продолженной Менгером и Вальрасом, Кейнс-старший выделил в особую форму знания *искусство политической экономии*, или *прикладную экономику*. Правда, в общем контексте его классификации содержание этой части политической экономии оказалось не очень ясным. Включив *нормативную теорию* и *конкретную экономику* в сферу *науки* политической экономии, Кейнс лишил *искусство* политической экономии как раз того, что обычно с ним ассоциировалось¹². В результате обострилась давняя проблема, известная еще Сениору и Миллю и связанная с тем, что *искусство* политической

экономии не может замыкаться на одну лишь экономическую науку. Кейнс сформулировал ее как дилемму:

«... если искусство станет ограничиваться практически-ми применениями науки, чистой и простой, то его предписания... могут быть... только условными...; если искусство, напротив, будет стремиться к полному решению практических проблем, то его характер необходимо должен стать в значительной степени неэкономическим, а его предмет расплывчатым и трудно определяемым» (см.: Кейнс(1891)–1899. С. 44–46).

Признав проблему терминологической, соответствующую область знания Кейнс отнес к «экономической стороне политической философии и искусства законодательства и социальной философии, смотря по обстоятельствам». Называть эту область он предложил либо обобщенно «прикладной экономикой», либо частными и не привязанными жестко к экономике «искусствами» — промышленного законодательства, налогообложения, государственных финансов и т. д.

Другой важный аспект определения Кейнсом предметной области искусства экономики — его целевая ориентация. Общее определение «искусства» предполагает, что цель задана, но содержательно ее не ограничивает. Кейнс дистанцировался от такой позиции ссылкой на мнение «всех, настаивающих на признании особого искусства политической экономии», для которых это искусство «ставит себе цели, желательные не только с точки зрения того или другого отдельного лица, но и с точки зрения всего общества, взятого в целом» (Кейнс(1891)–1899. С. 58). Отсюда он делает два вывода: во-первых, что при всяком обращении к искусству политической экономии обязательно знать, кто выступает субъектом, задающим цель хозяйствования; во-вторых, что «построение особого искусства политической экономии», предполагающего ограничиться сугубо экономическими целями («увеличение производства богатства») «было бы приобретением сомнительного достоинства». Последний вывод Кейнс мотивировал тем, что практические рекомендации, следующие из экономических теорий, относятся к сфере конкретной экономики и носят гипотетический характер. Поэтому в качестве предписаний они легко могут стать источниками недоразумений (см.: Кейнс(1891)–1899. С.62).

1.3. XX век: «онаучивание» практики и прагматизация науки

На рубеже XIX–XX вв. в науке утвердился новый – *неклассический* – тип научной рациональности. Наука обратилась к более сложным предметам, включив в сферу своего внимания не только неизменные свойства и устойчивые характеристики явлений, но и стохастические процессы и факторы неопределенности. Большая конкретность теоретического знания дала мощный толчок к сближению науки и техники, развитию технических наук как прикладного звена естествознания. Экономисты не сразу откликнулись на эти новые тенденции.

После Невила Кейнса в экономическом сообществе сформировалось двойственное отношение к разделению экономической науки на позитивную, или «чистую», с одной стороны, и прикладную, или искусство, – с другой.

В прагматичном английском Кембридже такое положение было воспринято как естественное и неизбежное, более того, под влиянием сначала Альфреда Маршалла, а позже – Кейнса-младшего получило дальнейшее распространение и развитие. Напротив, в рационалистичной континентальной Европе такое деление науки выглядело скорее слабостью, симптомом недостаточной зрелости науки и требовало подведения под прикладное знание дополнительной научной базы, т.е. его «онаучивания». Обе эти тенденции получили развитие в рамках неоклассического «мейнстрима» экономической науки XX в. в виде двух соперничающих его линий – маршаллианской и вальрасианской.

Задача науки по Маршаллу – «проливать свет на практические вопросы» (Маршалл–1993. С. 88). Роль же теории инструментальна: она полезна в той мере, в какой может «механизировать» рутинную научную работу. Научные исследования, не связанные с разработкой методов анализа, мыслились скорее как прикладные. Соответственно наука в целом занимала у Маршалла подчиненное место: верховную роль он отводил тренированному здравому смыслу – близким аналогом искусства экономики в доктрине Д.С. Милля.

Заложенная Маршаллом кембриджская традиция получила развитие в методологических установках Д. М. Кейнса, для которого экономическая теория была «ветвью логики», а собственно научная

доктрина включала определенную концепцию экономической политики как свою неотъемлемую практическую часть.

Истоки философско-методологических установок Кейнса восходят к шотландской философии здравого смысла (см.: Co-ntin—2002), прагматизму Ч. Пирса и пересекаются с идеями позднего Л. Витгенштейна, который заключительную часть своей научной карьеры по инициативе Кейнса провел именно в Кембридже.

Кейнс последовательно отстаивал позицию, что знание не может быть более точным, чем позволяет природа его объекта. По его оценке, «значительная часть экономического теоретизирования наших дней страдает... оттого что пытается применить высокоточные и математические методы к материалу, который по своей природе слишком нечеткий, чтобы оправдать такой подход»¹³. Именно в этом свете следует понимать определение экономической науки, выраженное в известном письме Кейнса к Р. Харроду (1938):

«Экономика — это наука мыслить в терминах моделей в сочетании с искусством выбирать модели, релевантные в современном мире... Хорошие экономисты редки, поскольку дар использовать «бдительное наблюдение» для выбора хороших моделей, хотя и не требует высокоспециализированных интеллектуальных навыков, оказывается весьма редким» (Цит. по: Блауг—2004. С. 146).

С ростом математизации экономической науки и, особенно, с развитием оптимизационных методов анализа, кембриджская традиция была оттеснена сначала на второй план, а позже и вовсе за пределы «мейнстрима», где ее оппонирующая роль по отношению к вальбрасианству перешла к «эмпирической науке экономики» в духе чикагской школы (см., напр.: Hands—1995. P. 225—257).

Ведущей стала тенденция к «онаучиванию» прикладных экономических исследований. Представления об эффективном состоянии экономики и предпочтительной траектории ее роста получили в этих концепциях некое «научно обоснованное» определение. Иными словами, наука стала претендовать не только на инженерную проработку *средств* достижения целей, но и на объективизацию процесса *целеполагания*, включая подчинение экономической политики задаче выхода на объективно заданную оптимальную траекторию экономического роста¹⁴. В этом случае, по справедливому замечанию

Р. Нельсона и С. Уинтера, «... разглядеть *какую-либо* роль политического анализа трудно... Проблема осуществления политики заключается просто в достижении оптимального по Парето соглашения» (Нельсон, Уинтер—2000. С. 411).

Тем самым в новой форме воспроизводился давнишний «рикардианский порок» (Шумпетер) экономической науки — стремление непосредственно замкнуть теорию на политику. На этот раз он строился на неявной убежденности «в том, что выбор, который является наилучшим в рамках модели, является и оптимальной... политикой в реальной ситуации» (Нельсон, Уинтер—2000. С. 412–413). Предельным выражением этой установки стал так называемый «парадокс предопределенности», согласно которому «правильная» политика полностью предопределена объективными условиями (включая сюда и условия политического рынка), и поэтому «рациональное» правительство — это, по существу, марионеточное правительство, которое реализует заданную траекторию, не нуждаясь ни в каких нормативных советах специалистов (см.: O'Flaherty and Bhagwati—1997).

В XX в. подобная тенденция к «онаучиванию» политики была характерна как для плановых, так и для рыночных экономик (см.: Лидблом(1977)—2005). В этих условиях для искусства экономики практически не оставалось места, и эта тема стала забываться. Вернуться к ней в конце века заставило растущее осознание роли факторов неопределенности и сложности в функционировании экономических систем (см., напр.: Colander, ed.—2000; Mooslechner etc, eds.—2004). Этот возврат обозначил новый вектор в развитии экономической науки, начало ее переориентации на стандарты *неклассического типа научной рациональности*.

Саму проблему неопределенности и сложности раньше других поставил, вероятно, английский экономист Клиф Лесли, который еще в 1879 г. обратил внимание на то, что «мир экономики движется от простоты к сложности, от однородности к разнообразию, от незыблемого обычая к изменениям, а потому — от известного к неизвестному» (Leslie (1879)—1997). И тогда же он сделал вывод, что априоризм и дедуктивизм экономической теории неразрывно связаны с завышенными представлениями о возможностях человеческого предвидения. В первой половине XX в. аналогичные предупреждения высказывал Фрэнк Найт — пионер в исследовании неопределенности в экономи-

ке¹⁵, и, разумеется, кейнсианцы. Так, Р. Харрод, опираясь на исследования экономических циклов, заключил, что экономистам следует:

«..навсегда распрощаться с притязаниями на определенность, которые могли сохраняться лишь до тех пор, пока они оставались в рамках своей геометрической системы. Из одной из самых точных наук, хотя и ограниченных узкими рамками, экономика неизбежно превращается в одну из самых условных наук» (Harrod—1938. P. 388).

В дальнейшем критики конкретизировали свои возражения сциентизму в экономике. Во-первых, была показана уязвимость статического оптимума в качестве критерия эффективности, в частности вследствие «эффекта тропы» (*path dependence*). Оказалось, что путь, ведущий к оптимальному состоянию, в силу этого эффекта заранее не предсказуем. Во-вторых, были развеяны иллюзии по поводу возможности «объективного» целеполагания. Экономика — объект, который формируется самими людьми, поэтому даже его описание состоит не только и порой не столько из фактов, сколько из убеждений в наличии соответствующих фактов (*positive beliefs*) (см.: Slembeck—2003), т. е. имеет оценочный характер. Тем более это касается целей политики — необъективных и изменчивых во времени.

Первоначально оппозиция чрезмерным притязаниям науки в экономической сфере приняла форму радикальной критики всякого государственного вмешательства в хозяйственную жизнь (Л. Мизес и Ф. Хайек¹⁶). Сциентизму такая критика противопоставляла спонтанность и веру в превосходство рынка над коллективным разумом в способности вести экономику в благоприятном направлении¹⁷.

Современный этап в осознании возможностей и границ рационального познания экономических процессов во многом базируется на эволюционном подходе, на понимании того, что расчет на спонтанность развития чреват попаданием на боковые, а то и вовсе тупиковые траектории эволюции. Пагубной самонадеянности разума противостоит пагубная беспечность непредусмотрительности. Трудность оценки будущего — считает один из пионеров эволюционной экономики Пол Дэвид — не снижает, а повышает ее значимость: «прежде чем ринуться в новое дело, стоит тем больше инвестировать в лучшую информированность, чем более значима историческая обусловленность его результата» (David—2001. P. 32).

Прикладная экономика: «к истории вопроса»

Эволюционный характер экономических процессов предъявляет к разработчику экономической политики такие требования, которые экономисты прошлого связывали именно с искусством экономики — такой сферой деятельности, которая опирается на широкий спектр накопленных знаний, но не освобождает от бремени выбора и ответственности за принимаемые решения. В этих условиях «(экономический) анализ следует считать слугой политического процесса и не приписывать ему самостоятельную политическую легитимность» (Нельсон, Уинтер—2000. С. 414).

II

О ПОНЯТИИ «ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА»

В юбилейном сборнике, посвященном 50-летию авторитетнейшего центра прикладных экономических исследований — *Департамента прикладной экономики* при Кембриджском университете, понятие «прикладная экономика» определяется как:

«сведёние воедино экономической теории, измерений и методов статистического и эконометрического анализа, а также интерпретации такой аналитической работы в целях объяснения экономических явлений и содействия экономической политике» (Begg and Henry—1998. P. 4).

Эта дефиниция вбирает в себя почти все мыслимые толкования «прикладной экономики». Поэтому она мало пригодна для целей классификации знания, но хорошо иллюстрирует многозначность самого термина. Если отглаткиваться от слова «прикладная», то в самом общем виде речь должна идти о **приложении** уже имеющегося, предположительно-теоретического знания к некоторой области, отличной от области, где оно было получено. Такая трактовка фиксирует как наличие связи между прикладным и теоретическим знанием, так и их нетождественность. Впрочем, иногда оппозиция «прикладное — теоретическое» вытесняет прочие смыслы, и «прикладная экономика» понимается скорее как знание опытное, имеющее непосредственное отношение к хозяйственной практике¹⁸. Например, Артур Пигу выделял два вида «реалистичного», или «прикладного» знания: неприменимое на практике, имея в виду описательное историческое знание; и применимое знание, непосредственно используемое практиками (см.: Dean—1983). Оскар Ланге в 1946 г. относил к прикладной экономике экономическую историю и то, что он называл «институциональной экономикой» — «изучение влияния отдельных социальных институтов на распоряжение ограниченными ресурсами» (Lange—1945—1946. P. 20).

В любом случае этимологическое толкование продвигает не слишком далеко: «прилагать теорию» можно по-разному. Тщательный анализ вопроса Р. Бэкхаузом и Д. Биддлем (Backhouse and Biddle—2000) позволил выделить три основных способа «приложения» теории:

- (а) построение на ее основе более конкретных теорий (например, путем введения дополнительных переменных);
- (б) ее приложение к эмпирическим данным (при тестировании теории или при ее использовании для накопления данных);
- (в) ее использование при выработке политических решений (в том числе, оценке конкретных событий и ситуаций).

Не исключено, конечно, что при решении конкретной задачи все три этих способа приложения теоретических знаний «сойдутся воедино». Так, применение теории при выработке политики вряд ли возможно без ее использования для анализа фактов. Но это не лишает каждое из перечисленных приложений существенной специфики. Если соответствующие виды прикладных исследований проанализировать сквозь призму классификации Невила Кейнса, то первый из них — разработку конкретных теорий — придется, по-видимому, отнести к разряду «позитивного конкретного дедуктивного знания», второй — приложение к эмпирическим данным — к разряду «позитивного конкретного индуктивного знания», и только третий попадет в рубрику «прикладной экономики». Такое разграничение отражает реальную специфику исследовательской работы в каждом из этих случаев и в этом смысле методологически оправдано. Поэтому в дальнейшем под собственно прикладной экономикой будут подразумеваться только такие исследования и знания, которые обеспечивают увязку теоретически обобщенного знания самого разного уровня с конкретными условиями места и времени, в которых осуществляется практическая деятельность — готовятся и принимаются экономико-политические решения, хозяйственно-правовые акты, бизнес-планы и коммерческие контракты.

Прикладная экономика в указанном смысле аналогична медицине, как области знания, связанной с поиском ответов на практические вопросы на научной основе. Именно медицина дает пример исследовательского алгоритма «диагноз — прогноз — ре-

О понятии «прикладная экономика»

цепт», который нередко служил источником аналогий для экономистов, стремившихся определить специфику своей науки. Достаточно вспомнить Й. Шумпетера с его неоднократными обращениями к медицинским метафорам и аналогиям при обсуждении специфики экономической науки¹⁹.

Итак, прикладная экономика — это широкий спектр исследований, связанных с *диагностикой* реальных экономик, их подсистем и элементов; *прогнозированием* социально-экономических процессов; разработкой экономико-политических *стратегий* и *программ*, вариантов реформирования экономических институтов (институциональным *дизайном*). Прикладная экономика — это лишь часть системы экономического знания, но такая часть, вне связи с которой экономическая наука в более узком смысле слова теряет смысл своего существования.

ВИДЫ ПРИКЛАДНОГО ЗНАНИЯ И ИХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

3.1. Отношение к цели

Прикладная экономика как область знания, увязывающая теорию и практику, включает в себя два типа исследований и разработок, которые – в развитие «военной» метафоры А. Маршалла – можно назвать «оперативными» и «стратегическими». Различие между ними определяется отношением к цели исследования.

Оперативные прикладные исследования – это исследования, обеспечивающие реализацию четко поставленной цели. В этом случае специфика прикладного знания выступает наиболее явно. Чтобы выявить характер отношения между собственно научными и практическими целями познания, обратимся к стандартному представлению о предметной человеческой деятельности, построенному по схеме «цель–средство–результат». *Цель* как предвосхищение результата представляет в этой схеме субъективное начало; *средства* – объективные предпосылки; *результат* – их воплощенное или, напротив, несостоявшееся единство, их взаимное соответствие или несоответствие. Деятельность, цель которой не обеспечена средствами, не может считаться целесообразной. Средства же – это в конечном счете не что иное, как множество независимых от субъекта деятельности объективных условий и законов, причинно-следственных связей, на которые можно опереться (которые можно «задействовать») на пути к цели.

Конечно, опереться можно только на уже познанные законы. Поэтому с прогрессом науки, познающей все новые объективные связи и закономерности, арсенал средств расширяется. Это значит, что рамки, в которых субъект деятельности свободен в выборе и самих целей, средств их достижения постепенно раздвигаются. При этом выбор *цели* предполагает фиксацию определенного набора причинно-следственных цепочек, необходимых и достаточных для ее до-

стижения, а выбор *средств* — определение одной из таких цепочек в качестве конкретной траектории движения к цели.

Итак, задача оперативного прикладного исследователя — найти наилучший маршрут к заранее заданной цели. Если при этом цель формулируется в узко экономических терминах или задается глубоко экономический критерий отбора средств (максимизация дохода), то экономист, решающий такую задачу, остается в пределах своей профессиональной компетенции и выступает как эксперт-аналитик. Если же цель имеет более общий характер и/или допускаются разные критерии отбора средств (максимизация дохода, справедливость в распределении, рост благосостояния и т. д.), то прикладное исследование неизбежно приобретает комплексный междисциплинарный характер. В этом случае простая схема, согласно которой политик ставит цель, а экономист ищет средства ее достижения, работает далеко не всегда. Как справедливо отмечает М. Блауг, «человек, принимающий решение, ждет рекомендаций как в области средств, так и в области целей» (Блауг—2004. С. 215). С этим связана потребность в исследованиях, обеспечивающих процессы целеполагания, которые соответственно можно назвать *стратегическими прикладными исследованиями*.

В советской политэкономии, по крайней мере, после дискуссии 1951 г., вопрос о направленности экономического развития общества было принято обсуждать в традициях классической науки. Предполагалось, что развитие общества следует объективным экономическим законам, которые познаются методами науки и используются в качестве основы практической (политической) деятельности. Кульминацией этого сциентистского подхода была постановка вопроса о наличии *объективной цели* экономического развития.

В основе этих построений лежала идеологическая установка на линейный характер общественного прогресса и наличие некоторой объективно обусловленной его траектории. В рамках такой схемы субъективный фактор (политика) мог лишь отклонять фактическую траекторию от объективно обусловленной, сдерживая или ускоряя движение. Именно поэтому познание объективных законов развития считалось важнейшей *теоретической* задачей политической экономии.

Однако фактически речь шла об экономико-политических установках, которым лишь придавался идеологически значимый ста-

тис «объективных экономических законов». Соответственно формулировка и обоснование таких «законов», равно как и полемика вокруг них, были *де-факто* обсуждением принципиальных вопросов экономической политики, т. е. вопреки декларациям относились скорее к сфере прикладной, чем теоретической экономики. Подобная неявная форма обсуждения экономико-политических проблем пришла на смену открытым дискуссиям 20-х годов, в ходе которых был поставлен фундаментальный для этой области исследований вопрос о соотношении генетического и телеологического подходов, т. е. все тот же вопрос о соотношении объективной причинности и целевой ориентации экономической деятельности.

Известно, что в 20-е годы среди советских экономистов широкое распространение имела точка зрения, что объективный характер экономических законов капитализма обусловлен стихийностью рыночного хозяйства, и поэтому плановая экономика лишит политэкономии ее предмета. Восстановление экономической науки в ее правах было связано с отказом от отождествления объективного со стихийным. Но тем самым фокус внимания смещался к изучению структурных характеристик воспроизводственного процесса, т. е. фактически на изучение причинно-следственных цепочек, которые сами по себе не определяют направленность развития, но лишь объективно ограничивают свободу маневра в экономической политике. Вопрос же о принципах, которые должны направлять плановые решения в пределах такого маневра остался закамуфлированным риторикой про объективные цели и законы.

На Западе в тот же период получила развитие отмеченная выше тенденция к «онаучиванию» экономической политики на основе концепции Парето-улучшений, что также маскировало качественные различия между теоретическими и прикладными экономико-политическими исследованиями.

3.2. Научные и деятельностные онтологии

Ориентация прикладных исследований на постановку и достижение цели (целевого состояния системы) придает таким исследованиям черты, которые существенно отличают их от стандартной науки. Это касается определения их предметной области и критериев оценки результатов.

Любое исследование реальности предполагает отбор ее значимых признаков. В этом вопросе можно опереться на анализ, который проделали еще неокантианцы, в частности, Г. Риккерт. Отправным пунктом его рассуждений служил факт невозможности для человеческого разума познать реальность в ее полноте и конкретности. Всякое человеческое знание строится поэтому на абстрагировании и в этом смысле избирательно²⁰. Этот вывод позволил Риккерту сделать важное разграничение между двумя принципами отбора эмпирических данных при образовании научных понятий и, соответственно между двумя способами представления действительности в знании. Один принцип — это формирование понятий на основе общих признаков, характеризующих соответствующий класс явлений (при абстрагировании от признаков, характеризующих их индивидуальные особенности). Другой принцип — фокусировка внимания, напротив, на тех признаках конкретного явления, которые определяют его специфику, уникальность. В соответствии с первым принципом образуются *общие* понятия, в соответствии со вторым — *индивидуальные*. Разграничение методов «образования понятий» получило продолжение в делении наук на две группы: науки о природе, базирующиеся преимущественно на *общих* понятиях, и науки о культуре, где главную роль играют *индивидуальные* понятия²¹.

Привязка прикладных исследований к обстоятельствам места и времени противопоставляет их естественно-научному, или стандартно научному, познанию и локализует их в сфере индивидуализирующего познания. Кроме того, именно естественно-научные понятия лежат в основе дисциплинарной структуры науки, тогда как значительная часть практических проблем заведомо не укладывается в эти рамки, имеет междисциплинарный характер, — об этом хорошо знал еще Д. С. Милль. По выражению известного британского экономиста середины XX в. А. Кэрнкросса, «... не существует такой вещи, как экономическая политика в отрыве от других аспектов политики, есть только политика» (Цит. по: Dow, Dow, and Hutton—2000. P. 194).

Наконец, идеал и цель научного познания — постижение истины, сущностных свойств реальности. Прикладное исследование не имеет и не может иметь такой цели. Его задача — создать проект новой реальности. Поэтому главный критерий оценки результатов прикладного исследования — их реализуемость.

Различия между стандартным научным знанием и знанием прикладным вовсе не означают их несовместимости. Напротив, современное прикладное знание — это не что иное, как применение научных знаний для решения практических задач. Но чтобы эффективно применить научные знания, их нужно приспособить к задаче, рекомбинировать.

Этим определяется предмет и метод прикладной науки, с одной стороны, и ее спрос на теоретическое научное знание — с другой. Предметная область прикладного исследования формируется вокруг деятельности по решению поставленной задачи, а в случае стратегических прикладных исследований — вокруг процесса целеполагания, т.е. деятельности по поиску возможных альтернатив развития событий, их оценке и выбора предпочтительной стратегии. В любом случае это не традиционные для науки «натуралистические», а деятельностные онтологии, если снова воспользоваться терминологией Г. П. Щедровицкого. Они призваны интегрировать любые полезные для достижения цели знания, независимо от их дисциплинарной принадлежности, и выстраивать их в соответствии с логикой «проекта».

Отсюда двоякий спрос прикладной науки на теорию. С одной стороны, нужны первичные «кирпичики» знания, «сырой материал» для решения практических задач. Здесь снова можно вспомнить первых экономистов-методологов, которые указывали на то, что в решении своих задач экономист должен опираться на весь корпус знаний, обеспечивающий создание и умножение богатства: будь то знания технологические, агрономические, педагогические. К ним можно добавить и частные экономические знания, скажем о воспроизводственных зависимостях или закономерностях массового поведения продавцов и покупателей на рынке. Речь идет о стандартных научных знаниях, обобщающих объективные, повторяющиеся связи между явлениями. С другой стороны, исследователю-прикладнику нужна интеллектуальная поддержка и в его работе по рекомбинированию знания. Уникальность каждой практической задачи вовсе не исключает возможности типизации возникающих проблем и выработки обобщенных алгоритмов их диагностики и решения.

Исторически экономическая наука возникла из попыток решения именно такого рода задач. На это были ориентированы так называемые «большие теории», имевшие в качестве своей предмет-

Виды прикладного знания и их методологические особенности

ной области экономику как целое и долгосрочные траектории ее эволюции. Вопреки широко распространенному представлению, «большие» теории — это отнюдь не «чистая» наука хотя бы потому, что они всегда были привязаны к историческим реалиям. Это были определенные схемы описания, способные фиксировать значимые признаки сложных социальных явлений (объектов) или процессов (ситуаций), иначе говоря, определенные их *типологии*.

Согласно М. Веберу, обществоведам приходится пользоваться особым видом научных понятий, которые он назвал «идеальными типами». Это понятия, которые специально конструируются исследователем на основе наблюдений изучаемого объекта и служат внутренне согласованной «интерпретативной схемой» для осмысления такого объекта в его конкретности.

«Большие» теории правомерно рассматривать в качестве специфического слоя знания, связанного с разработкой типологий социально-экономических систем и моделей типологически однородных экономических ситуаций. Такие концептуальные структуры — это научные «заготовки», призванные облегчать прикладные разработки по диагностике конкретных экономических систем и хозяйственных ситуаций, институциональному дизайну.

Сила «больших теорий» Смита, Рикардо, Маркса состояла в том, что они давали целостную картину важных общественных процессов и потому приобретали мировоззренческое значение, давали жизненные ориентиры целым нациям и общественным классам. Однако недостаточно четкое определение их научного статуса привело к тому, что на определенном этапе такие теоретические системы стали отождествляться с экономической наукой как таковой и в этом качестве были заслуженно подвергнуты критике. Историческая школа показала, что притязания классиков на универсальность были завышенными: «смитианство» могло служить социально-политической доктриной для Англии, но оказалось непригодным в Германии.

Идеально-типическая «большая теория» может и должна быть объективной, но ее объективность относительна. Она предполагает объективный анализ фактов, организованных вокруг априорно принятой гипотезы о структуре и логике развития социально-экономической системы — гипотезы, выбор которой неизбежно обусловлен ценностными установками и социальными интересами.

Виды прикладного знания и их методологические особенности

Специфическая задача «большой теории» — осмыслить совокупное действие многих частных процессов, разграничить ведущие и сопутствующие тенденции, главные и второстепенные факторы развития экономики и общества в конкретных исторических условиях. Такая задача, как правило, не имеет единственного «объективного» решения.

Попыткой осмыслить эту ситуацию стал классовый подход Карла Маркса, предполагавший возможность различных интерпретаций одной и той же реальности, в зависимости от классовой заинтересованности в том или ином сценарии развития событий. Фактически речь шла об определенном принципе интеграции и интерпретации частных положений политической экономии, или иными словами, о способе рационализации того, что у Милля — и позже у Маршалла — оставалось на произвол «здравого смысла». Правда, у Маркса это сближение базировалось на предпосылке линейности исторического развития, в результате чего интерпретации конкретных ситуаций сводились к выбору между прогрессивным, т. е. тем, что содействует движению вперед к более совершенному типу общества, и консервативным и даже реакционным — тем, что противодействует такому движению. Это позволяло Марксу считать политическую экономию одновременно наукой и руководством к действию, но противоречило другому важному положению его доктрины, согласно которому люди сами «творят свою историю»²². Однако в данном случае важно зафиксировать уже сам факт, что классовый подход был своеобразной попыткой осмысления специфики общих политико-экономических теорий как идеально-типических интерпретативных конструкций. Одновременно речь шла о знании, которое не просто описывает действительность, но и служит основой ее практического преобразования.

Следующий шаг в этом направлении сделали неокантианцы, предложив критерий отбора признаков в процессе образования индивидуальных понятий. Этот критерий стали называть «принципом соотношения с ценностью», т. е. отбором элементов эмпирической реальности, обладающих общекультурной ценностью для членов общества, к которому принадлежат и его исследователи. Говоря проще, речь шла о поиске общего основания для «объективной», т. е. не произвольной и не связанной с особенностями индивидуального восприятия оценки общественных явлений и исторических ситуаций. Г. Риккерт находил его в

Виды прикладного знания и их методологические особенности

сформированных культурой ценностных установках. Критерием объективности такого отбора в этом случае служил консенсус специалистов.

В отличие от Маркса, у которого такой критерий был внешним по отношению к науке, у Риккерта он стал внутренним элементом научной процедуры как таковой. Маркс оставлял выбор между экономическими системами и соответствующими *готовыми* теориями на долю *практического разума* (т. е. самим агентам социального действия), тогда как Риккерт предложил объединить усилия *теоретического* и *практического разума* в социальном познании (иначе говоря, в поиске культурно обусловленного знания). Причем в этой комбинированной когнитивной структуре за *чистым теоретическим разумом* как генератором общих понятий осталось лишь весьма скромное вспомогательное место.

Главное в классификации наук Риккерта было то, что она предполагала радикальное переосмысление статуса и структуры социально-научного знания. Можно сказать, что Риккерт поменял местами «науку» и «искусство» в иерархии социального знания. Он не просто объявил «искусство» частью «науки» и обосновал правомерность его специфического метода, но и отдал ему приоритет в рамках этой вновь конституируемой социальной науки.

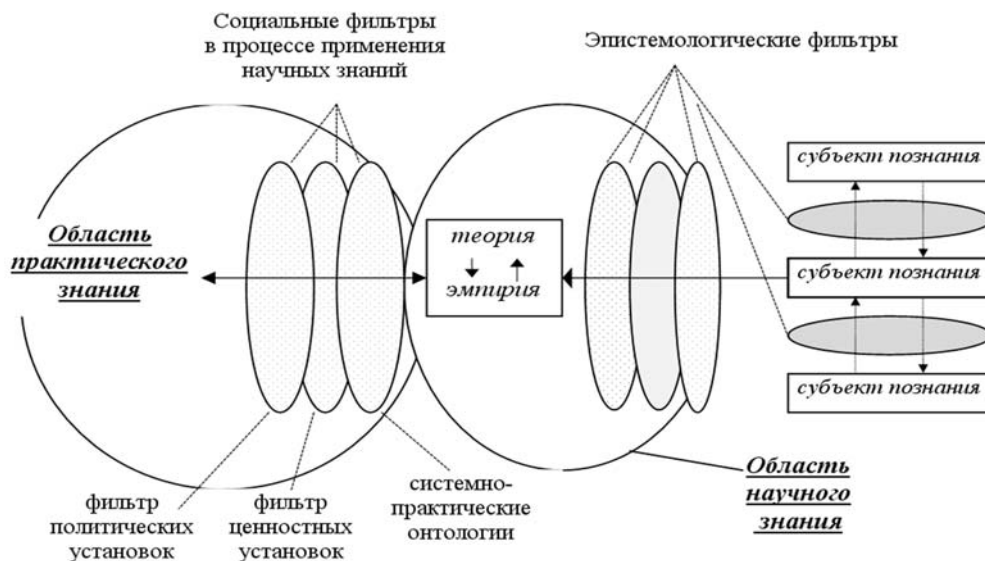

Рис. 4. Наука и практика

Виды прикладного знания и их методологические особенности

Таким образом, в прикладной науке между исследователем и реальностью находятся не только обычные эпистемологические фильтры²³, формирующие его восприятие и направляющие поиск — обычный и научный языки, санкционированные научным сообществом картина исследуемой реальности и методы познания, но еще и особые социальные фильтры, направляющие восприятие проблемной ситуации как самим исследователем, так и вероятным адресатом этой работы (см. рис. 4). На стороне адресата — это, прежде всего, его цели (политические установки), а на стороне исследователя — его системно-практическая онтология, выражающая его профессиональное понимание проблемной ситуации и соответствующее поле альтернатив предполагаемого действия. Наконец, фильтр ценностных установок обозначает особое место этого фактора в механизме функционирования прикладного знания как поля потенциального ценностного (в частности, этического) конфликта между адресатом и ученым-исполнителем.

IV**ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕОРИИ И
ПРАКТИКИ: ПРИКЛАДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ**

О том, как специфика прикладной экономической науки проявляется практически, можно судить по опыту использования экономических моделей в исследованиях и разработках, ориентированных на задачи экономической политики. Эта область сравнительно недавно стала объектом методологической рефлексии. И такой интерес закономерен: прикладное экономическое моделирование занимает ключевое положение между миром академической науки и миром практической политики. Во второй половине XX в. в экономически развитых странах аналитика на базе экономических моделей выделилась в особую сферу деятельности, стала своеобразным отраслевым рынком на стыке науки и политики (Smith—1994; Den Butter and Morgan, eds.—2000)²⁴.

4.1. Модели теоретические и прикладные

У истоков прикладного экономического моделирования стояли виднейшие экономисты середины XX в., впоследствии — первые лауреаты премии имени Нобеля по экономике, Ян Тинберген и Рагнар Фриш. Практически сразу после Второй мировой войны они добились внедрения этих методов в практику государственного регулирования экономики в своих странах. Речь шла о прогнозных и предплановых разработках, на базе которых предполагалось формировать экономическую политику соответствующих государств.

В Норвегии под руководством Фриша внедрялись большие оптимизационные модели «затраты-выпуск», тесно привязанные к системе национального счетоводства. В Голландии с подачи Тинбергена упор был сделан на более компактные кейнсианские модели спроса, позволявшие анализировать циклические процессы (Den Butter and Morgan—2000. P. 285). В каждом случае это был перенос достижений с переднего края экономической науки непосредственно в прак-

тику государственного управления. В свою очередь, применение теоретических результатов на практике служило свидетельством их научной достоверности.

Однако в дальнейшем, по мере того как прогнозные и предплановые разработки на базе экономических моделей становились частью повседневной работы аналитических центров, отличие этой сферы деятельности от собственно научных исследований проявлялось все более отчетливо. Союз «теоретиков» и «прикладников» со временем терял былую прочность: возникли взаимные упреки, а вслед за ними — тема расширяющегося разрыва между сторонами. «Теоретики» ныне сетуют на то, что прикладные модели не поспевают за развитием теоретической макроэкономики; «прикладники» пеняют им в ответ на чрезмерный академизм, оторванность от жизни и эмпирическую необоснованность многих теоретических новшеств (Den Butter and Morgan—2000. P. 298).

Подобные упреки понятны, но вряд ли оправданны. В академической науке и в политическом процессе экономические модели выполняют совершенно разные функции.

Во-первых, академическую науку интересует позитивное знание, и соответственно теоретические модели призваны выявлять ранее неизвестные и как можно более общие взаимосвязи экономических явлений и закономерности их развития. Поэтому стандартная установка ученого — построить одну «самую правильную» модель своего объекта. На базе прикладных моделей генерируется, напротив, нормативное (в случае целеполагания) или социально-инженерное знание, привязанное к конкретным условиям места и времени. Здесь действует принцип «сколько моделей — столько наборов рекомендаций» (Den Butter and Morgan—2000. P. 295, 300)²⁵.

Конечно, прикладные модели не могут не отражать общего уровня развития теории, однако в рамках этого ограничения прикладнику важнее адаптировать свой инструментарий к меняющимся обстоятельствам, чем к теоретической моде. Характерно, что наиболее заметный факт влияния теоретических концепций последних десятилетий на прикладные эмпирические модели (включение в них фактора опережающих (forward-looking) ожиданий) состоялся во многом потому, что был подкреплён запросом со стороны политиков и сопровождался подменой исходной теоретической идеи

рациональных ожиданий ее ослабленной и более реалистичной модификацией. (Edison and Marquez—2000. P. 194—196).

Второе различие между теоретиками и прикладниками в подходе к моделированию связано с тенденцией академической науки последних десятилетий к «отходу от количественного анализа с использованием моделей и переориентации на теоретические модели с одним главным механизмом для объяснения наблюдаемых стилизованных фактов» (Den Butter and Morgan—2000. P. 296). Практикам такой поворот в науке создает неудобства двоякого рода. Во-первых, фрагментация экономико-теоретического знания на множество частных моделей затрудняет учет взаимодействия разных механизмов и соответственно *комплексную* оценку возможных последствий принимаемых решений. Во-вторых, практики имеют дело с реальными, а не стилизованными фактами и ситуациями. Поэтому им нужны не только общие рекомендации, но и уверенность в их адекватности конкретным условиям. Английский исследователь С. Рен-Льюис указывает на связанную с этим коллизию. Давление частных клиентов в сторону дезагрегирования информации, особенно в отраслевом разрезе? ведет к укрупнению моделей, однако за большую детальность прогнозов приходится платить немалую цену: поведение разбухших моделей становится порой трудно объяснимым, что делает их мало пригодными для выработки политических рекомендаций (Wren-Lewis—2000. P. 172).

Наконец, третье и, вероятно, самое существенное, что разделяет два подхода к экономическим моделям — это роль, которую им отводят, соответственно, теоретики и практики. В академических кругах формирование экономической политики и сегодня мыслится в духе концепции Я.Тинбергена (см.: Tinbergen—1952). Предполагается, что заданы (а) цели политики и (б) ее инструменты, а также (в) макроэкономическая модель экономики и (г) прогнозные значения независимых переменных. Соответственно на долю политиков остается, по существу, техническая задача: выбор — на основе принятой модели — мер воздействия на экономику (инструментов), обеспечивающих оптимизацию целевой функции (например, достижение наиболее приемлемого сочетания индикаторов безработицы и инфляции) (см.: Blinder—1997. P. 4; Smith—2000. P. 247—248).

Практика ориентировалась на эту концепцию лишь на начальном этапе внедрения экономических моделей в процессы государственного регулирования экономики. По оценке видного французского экономиста Э. Маленво, так было в 60–70 годы XX в., когда политикам нужны были «политические инженеры, способные подсказывать, с какой силой следует нажимать на каждый из имевшихся в их распоряжении рычагов». Позднее изменился сам подход к экономической политике: она стала более долгосрочной. Соответственно внимание политиков сместилось в сторону структурных реформ, а их спрос на экономические рекомендации — в сторону оценки прямых и косвенных последствий конкретных мер по реализации макроэкономической или структурной политики. Такая смена акцентов сопровождалась расширением круга моделей, применявшихся для решения разнообразных задач (см.: Morgan, ed.—2000. P. 261).

Подход Тинбергена оказался нереалистичным. По признанию видного американского экономиста и бывшего вице-председателя Совета управляющих Федеральной резервной системы (ФРС) А. Блайндера, ни целевая функция, ни истинная модель экономики на самом деле — на уровне руководства центрального банка — не известны (см.: Blinder—1997. P. 4). Цели экономической политики, если они закреплены законодательно, имеют обычно расплывчатую формулировку, оставляющую практикам простор для толкования. В США, например, законодатель предписывает ФРС добиваться «максимальной занятости» и «стабильных цен». В макроэкономических моделях эта целевая установка принимает обычно вид функции потерь (L), минимизирующей сумму взвешенных квадратных отклонений фактических величин безработицы (u) и инфляции (p) от их желаемых значений (u^* и p^*):

$$L = (u - u^*)^2 + \alpha(p - p^*)^2.$$

В академической литературе, отмечает Блайндер, «желаемые значения» (параметры u^* и p^* и α) считаются известными, но в действительности определение их величин — весьма важная проблема, не имеющая однозначного решения (Blinder—1997. P. 4–5).

В еще меньшей степени экономист-практик может рассчитывать на «истинность» своей экономической модели²⁶. В США даже в рамках ФРС разные резервные банки работают с различными макроэкономическими моделями (Blinder—1997. P. 8). В Англии прово-

дидлись специальные сравнительные исследования основных экономических моделей, используемых для подготовки экономико-политических рекомендаций²⁷. На моделях проигрывались прогнозы развития британской экономики на период середины и второй половины 1990-х годов, а также соответствующие рекомендации для макроэкономической политики для двух сценариев: инерционного и на случай возникновения шока потребительских расходов. Рекомендации по реагированию на шок - при одних и тех же целевых установках и регулирующих инструментах - на разных моделях оказались противоположными: казначейская и оксфордская модели указали на целесообразность снижения государственных расходов, а модель Национального института экономических и социальных исследований - наоборот, на их увеличение (Bray, Hall, Kuleshov, Nixon. and Westaway—1995. P. 996).

Авторы этого исследования отнюдь не считают такой итог обескураживающим. По их мнению, по мере усложнения моделей последние становятся воплощением существенно различных картин мира и соответственно «различные модели могут вести к очень разным рекомендациям для политики в пределах области оправданных разногласий между их разработчиками» (Ibid. P. 990).

Разумеется, каждая модель имеет также свои условности и ограничения. С этим связан еще один важный вывод — о том, что для практической работы необходимо понимать их структуру и логику настолько, чтобы «заведомо отсекал такие политические рекомендации, которые обусловлены особенностями модели, не вызывающими... особого доверия» (Ibid. P. 997). В обобщенном виде эту проблемную ситуацию четко выразил один из инициаторов дискуссии о природе и месте прикладного знания в современной экономической науке Д. Коландер: «Модель — это неотъемлемая часть более общего видения. Она имеет смысл только вместе с большим числом предпосылок *ad hoc* и подразумеваемых разработчиком оговорок, отражающих это видение. Если эмпирическое наблюдение не укладывается в модель, модель подстраивается под видение. Понимание видения, лежащего в основе модели, столь же важно, как и понимание модели» (Colander and Daane —2001. P. 67).

Именно поэтому для практиков результаты моделирования — это еще далеко не готовый проект искомого политического реше-

ния: «модель дает информацию, которая помогает отвечать на вопросы, но не сами ответы на вопросы» (Smith—2000. P. 255). Это не умаляет значения экономического моделирования при формировании политики. Экономические модели — это способ организации огромного объема информации и, как следствие, средство упорядочить обсуждение экономико-политических вопросов²⁸. В этом заключается их реальная и незаменимая роль. По наблюдению Р.Любберса, профессионального экономиста и бывшего голландского премьер-министра, эмпирическая модель указывает на предел того, чего можно добиться стандартными инструментами экономической политики. Между тем политику важно знать этот предел для того, чтобы оценить возможность его преодоления, причем средствами, которые в модели не учитываются (см.: Morgan, ed.—2000. P. 267).

В целом, выделение прикладного экономического моделирования в самостоятельную сферу деятельности заметно изменило характер ее отношений с наукой. Академическая наука, как и прежде, осталась главным поставщиком новых идей для разработчиков моделей. Однако прикладная экономика — уже не пассивный потребитель готовых научных продуктов. Она выступает скорее в роли платежеспособного заказчика, даже если эта роль проявляется непрямо — например, через привлечение академических ученых в прикладные аналитические центры или создание подобных, ориентированных на рынок, подразделений в составе университетов. В любом случае происходит перераспределение научного потенциала в пользу сектора прикладных НИР.

С другой стороны, в прикладной науке, где стандартные научные критерии, как правило, не работают, и важным фактором успеха служит репутация фирмы, «опора на науку» нередко становится фактором конкурентной борьбы, сигналом, призванным удостоверить качество предлагаемого «научного продукта».

4.2. Модели и политики

Тот факт, что одна и та же реальность может быть представлена разными научно обоснованными экономическими моделями, а эти модели, в свою очередь, могут служить основанием для разных и даже противоположных выводов для экономической политики, во многом предопределяет характер отношений в сфере прикладных

разработок. В этих условиях преимущество имеет конечный потребитель, т. е. прежде всего политик. При наличии политической воли качественные прикладные разработки на базе экономических моделей могут служить важным конструктивным элементом в механизме формирования политики государства или фирмы. При ее отсутствии прогнозы и экспертные оценки легко могут переродиться в инструмент политического или идеологического манипулирования.

Характерным примером такого перерождения могут служить бюджетные дебаты в Конгрессе США в 1995–1996 гг., когда политическое соперничество демократической Администрации и республиканского большинства в Конгрессе приняло форму столкновения двух прогнозов в отношении сроков сбалансирования бюджета. Каждая сторона имела свою команду специалистов, которая на своей макроэкономической модели просчитывала экономико-политические программы соперничающих партий. Результаты расчетов существенно разошлись. Это привело к тому, что бюджет на очередной год не был вовремя утвержден и правительственные чиновники больше месяца не могли выполнять свои обязанности. Конфликт удалось снять после того, как аналитики Конгресса согласились уточнить свой прогноз роста ВВП на несколько десятых процента, что сразу же устранило 200-миллиардный зазор в оценках величины дефицита между двумя командами аналитиков. Было ясно, что разноречивость прогнозов послужила в данном случае не источником конфликта, а лишь поводом для него, разменной монетой в политической борьбе (Morgan, ed.—2000. P. 271–272).

Было бы сильным упрощением полагать, что подобные ситуации возможны лишь как следствие недобросовестности исследователей. Проблема глубже: сама объективная возможность альтернативных прогнозов, оценок или рекомендаций запускает процесс, в ходе которого интересы участников и способ их взаимодействия обеспечивают взаимный поиск «удобных» контрагентов: «(а) собственный интерес экспертов создает стимул помогать клиентам в достижении их политических целей; (б) даже если все эксперты поддерживают только те политические цели, которые они лично разделяют и считают морально оправданными, механизм отбора распределит клиентов и экспертов таким образом, что в конечном счете их политические установки придут во взаимное соответствие. В этой игре могут вы-

жить все эксперты, но лишь при условии, что найдут покровительство соответствующих клиентов» (Kirchgässner—2004. P. 101).

И все же разнообразие экономических моделей таит в себе не только подобные риски, но и значительный позитивный потенциал, позволяя формировать более ёмкую и точную картину реальных процессов. Правда, реализация этого потенциала — задача не только и не столько эпистемологическая, сколько политическая. Точнее, речь идет о такой эпистемологической задаче — получении знаний о наиболее существенных сторонах конкретной экономической реальности, — которую невозможно решить при отсутствии соответствующих политических механизмов.

Смысл таких механизмов заключается в согласовании различных интересов, т. е., по сути дела, в выработке политического консенсуса. Такая задача может возникать на разных уровнях и в разных звеньях экономической системы, начиная с решения проблем внутри- и межведомственной координации и вплоть до поиска общенационального согласия.

Примером внутриведомственного механизма, который согласует рекомендации для макроэкономической политики, выработанные на целом спектре различных моделей, может служить знаменитый *Федеральный комитет по операциям на открытом рынке* (ФКОР) Федеральной резервной системы (ФРС) США (*Federal Open Market Committee — FOMC*) — орган, определяющий денежную политику в США. В заседаниях Комитета участвуют члены Совета управляющих ФРС (7 человек) и президенты всех двенадцати федеральных резервных банков, из них пятеро — с правом решающего голоса²⁹. При этом, как уже отмечалось, каждый из федеральных резервных банков вырабатывает свою позицию на основе собственной макроэкономической модели. Еще одна большая модель работает в центральном аппарате ФРС. По свидетельству А. Блайндера, никаких попыток по согласованию этих моделей никогда не предпринималось (см.: Blinder—1997. P. 8). Изучение протоколов Комитета за период 1984—1991 гг. показало, что модельные разработки (прогнозы и экспертизы) активно используются при подготовке материалов к его заседаниям и достаточно часто фигурируют в дискуссиях. По оценке авторов исследования, на основе таких разработок формируется представление о «системной компоненте

экономики», которое, в свою очередь, служит точкой отсчета для политиков в их попытках реагировать на несистемные вызовы (см.: Edison and Marquez—2000. P. 203).

Аналогичную роль на межведомственном уровне американской Администрации играет так называемая *Тройка (Troika)* — рабочая группа в составе высших чиновников трех экономических ведомств, ответственных за бюджетную политику: *Государственного казначейства, Административно-бюджетного управления и Совета экономических консультантов*. Ее задача — координация текущих и — особенно — прогнозных оценок экономического положения страны, используемых при разработке проектов бюджета (см.: Donihue and Kitchen—2000. P. 229-243).

В Англии та же задача согласования прогнозов в течение ряда лет (1993—1997 гг.) решалась хотя и в рамках одного ведомства, но на более широкой основе. В 1993 г. решением Канцлера казначейства в качестве совещательного органа был учрежден *Форум независимых прогнозистов (Panel of Independent Forecasters)* в составе семи специалистов разных политических взглядов из аналитических центров разного типа (при университетах, коммерческих структурах и независимых). Члены Форума целенаправленно отбирались так, чтобы в нем был представлен весь спектр влиятельных научных школ и направлений в области макроэкономики (от разных ветвей кейнсианства до монетаризма и новой классики) (см.: Evans—2000. P. 206).

Форуму предписывалось три раза в год представлять доклады о состоянии и перспективах развития экономики страны, которые должны были отражать как согласованные оценки, так и спектр индивидуальных позиций привлеченных специалистов, в том числе по вопросам экономической политики. Доклады направлялись Канцлеру казначейства и были открыты для заинтересованной публики. Иными словами, речь шла об органе, призванном вести публичный поиск консенсуса среди профессионалов по вопросам текущей экономической политики. Это был своеобразный вызов профессиональному сообществу экономистов, многие десятилетия разобщенному на непримиримые лагеря интервенционистов и фритредеров, кейнсианцев и «классиков».

Деятельность *Форума* хотя и подтвердила крайнюю сложность поиска консенсуса в такой среде, все же показала возможность

формирования согласованной позиции по некоторым важным вопросам экономической политики. Исследователь деятельности Форума Р. Ивенс, в частности, показывает, как в своем третьем докладе за 1993 г. Форум вышел на согласованную формулировку главного приоритета в экономической политике. Хотя это была весьма общая формулировка («обеспечение устойчивой сбалансированности бюджета») с явно компромиссными оговорками в отношении путей достижения такой цели, ее принятие для ряда членов Форума означало отказ от их собственного первоначального ранжирования приоритетов. Готовность членов Форума к компромиссу автор исследования объясняет не только их стремлением оправдать надежды учредителя и общественности на выработку согласованной экономической политики, но и пониманием того, что без выработки такой позиции их профессиональные знания не смогут оказать эффективного влияния на общественно значимые решения (Evans—2000. P. 215, 218-220). Фактически так и произошло: согласованный вывод Форума был подтвержден в качестве официальной политической установки, а другие спорные вопросы Казначейство решало уже без оглядки на его экспертов.

Характерно, что мотив профессиональной солидарности отмечен и применительно к деятельности выше упомянутой американской *Тройки*, члены которой вполне отдают себе отчет в том, что, не договорившись между собой, они отдадут решение соответствующих вопросов политикам, не всегда компетентным в экономических вопросах или склонным решать их в угоду политической конъюнктуре (Den Butter and Morgan—2000. P. 299).

Наконец, интересен пример Голландии, где экономические модели также вовлечены в политический процесс, но в иной роли. Здесь модели, работающие в *Центральном плановом бюро (ЦПБ)*, приобрели в обществе такой авторитет, что стали использоваться в политических дискуссиях в качестве своего рода сертифицирующей инстанции. На этих моделях стали проигрывать программы политических партий³⁰ и проекты, обсуждаемые в рамках системы трипартизма — консультаций между профсоюзами, предпринимательскими объединениями и правительством. В результате политические партии начали «настраивать» свои предвыборные программы таким образом, чтобы получать наиболее выигрышные модельные результаты. Такая практика придала по-

литическим спорам большую объективность, но одновременно несла в себе риск их перенацеливания на формальные и потому ненадежные ориентиры. По образному выражению голландского аналитика Хенка Дона, «при таком ее использовании модель выступает как партнер в дебатах — партнер, обладающий феноменальной памятью, огромным терпением, но совершенно лишенный фантазии» (Morgan, ed.—2000. P. 265). Именно поэтому, согласно Дону, нужны эксперты, владеющие моделями, и политики, способные предлагать новые идеи.

4.3. Опыт организации

Использование политических механизмов при анализе и прогнозировании экономического положения — важный симптом, указывающий на специфику этого типа знания. С одной стороны, это знание объективное, описывающее внешнюю, независимую от исследователя реальность. С другой стороны, это знание, имеющее смысл лишь относительно субъекта, который в этой реальности действует. Поэтому качество знания такого рода определяется не только стандартными критериями научности, например полнотой и достоверностью выявленных свойств и закономерностей объекта, но и полнотой репрезентаций объекта относительно спектра интересов, значимых для функционирования и развития данного общества. Отсюда, в частности, следует, что экономический прогноз или оценка, сделанные на базе одной модели, будут скорее всего односторонними. А если эта модель окажется к тому же единственным средством, позволяющим делать подобные прогнозы и оценки, то односторонность легко может обернуться предвзятостью и даже коррумпированностью.

Поиск институциональных форм и организационных решений, способных нейтрализовать или хотя бы ограничить негативные тенденции, которые заложены в самой структуре этого вида деятельности, — одна из главных тем международного опыта организации прикладных исследований и разработок на базе экономических моделей. Несмотря на то что этот опыт существенно различается по странам и не дает пока общепризнанных готовых решений, его уроки поучительны и заслуживают пристального внимания. В рассматриваемой сфере исторически сложилось два типа организационных структур: преимущественно монополярные и конкурентные.

Преимущественно монопольные структуры возникли в странах-пионерах экономического моделирования — Норвегии и Голландии, где с самого начала они строились как часть государственной информационной системы, обслуживающей государственные органы. Идейной основой такого подхода служила упоминавшаяся тинбергеновская схема взаимодействия теории и практики, согласно которой теория обеспечивает практику наилучшей на соответствующий момент времени экономической моделью и на ее базе разрабатываются научно обоснованные прогнозы и оптимальные рекомендации по проведению экономической политики. При таком подходе развертывание конкурирующих моделей не имело смысла, а концентрация усилий в одном центре рассматривалась как проявление естественной монополии (Morgan, ed.—2000. P. 272).

Потенциальным рискам монополизации в этом случае противопоставляются преимущественно организационные меры и фактор репутации.

Прежде всего, работа с экономическими моделями распределяется между различными ведомствами. Так, в Норвегии за разработку моделей и их информационное наполнение отвечает статистическое ведомство³¹, тогда как модельная проработка экономико-политических решений осуществляется непосредственно в *Министерстве финансов*. Подобная схема действует и во Франции. В большинстве стран разработка моделей и их использование в прогнозных и аналитических целях сосредоточены в одном ведомстве. В Голландии — это *Центральное плановое бюро (ЦПБ)* — независимый, но влиятельный аналитико-консультационный орган, имеющий своего представителя в правительственной комиссии, непосредственно отвечающей за подготовку политических решений. Ведомственная граница разделяет при этом ЦПБ и статистическое ведомство: последнее отвечает за сбор данных и может заниматься только демографическими прогнозами, а ЦПБ выполняет прогнозные и аналитические функции, но не имеет доступа к статистической «кухне» (см.: Den Butter and Morgan—2000. P. 284–285, 287, 302; Morgan, ed.—2000. P. 273)³².

Разделение функций между ведомствами повышает уровень объективности аналитической работы, но одновременно создает проблему межведомственных коммуникаций, которая, впрочем, в Нор-

вегии смягчается за счет межведомственной мобильности специалистов. Голландская организационная схема может, в свою очередь, порождать трения между политиками и технократами-аналитиками, если предложения и рекомендации последних не оставляют места для проявления инициативы самими политиками (см.: Den Butter and Morgan—2000. P. 298; Morgan, ed. —2000. P. 273).

Влиятельность голландского ЦПБ во многом строится на его репутации строго научного и политически нейтрального учреждения. В соответствии со своим уставом Бюро регулярно — не реже двух раз в год — представляет общественности свои прогнозы, проектировки и сценарии. Его ежегодный сентябрьский «*Макроэкономический обзор*» служит официальной основой бюджетных проектировок правительства. В середине 1990-х годов независимый статус ЦПБ был подкреплен реорганизацией *Центральной плановой комиссии* — надзорного по отношению к ЦПБ органа, который составили исключительно представители науки и общественности. Лишь планы работы Бюро подлежат обсуждению в правительственных структурах. Аналогичный надзорный орган, правда с участием чиновников, — *Комитет по моделированию* — действует и в Норвегии.

Наконец, нельзя не отметить, что монополизм голландского ЦПБ или соответствующих учреждений в Норвегии и Франции весьма условен. В гораздо большей мере он относится к функции информационного обеспечения госаппарата, чем собственно к аналитическим разработкам. В одной Голландии в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века при поддержке государства было разработано и действовало несколько масштабных экономических моделей. В конце 1990-х годов модели, сопоставимые по размерам (но не влиянию!) с моделями ЦПБ, работали в центральном банке страны и на базе университетского консорциума. Во Франции в 1980-е годы правительство Р.Барра целенаправленно поддерживало создание конкурирующих институтов, способных вести разработки на экономических моделях (см.: Morgan, ed.—2000. P. 272–273, 275).

Конкурентный тип структуры в сфере экономического моделирования наиболее характерен для США. Это относится как к различным ветвям власти и различным подразделениям правительства, работающим со своими ведомственными экономически-

ми моделями, так и к прогнозной аналитике в целом, где преобладают частные коммерческие агентства, конкурирующие за заказы клиентов. Развитый коммерческий сектор экономической аналитики нередко выступает конкурентом соответствующих ведомственных подразделений. Передавая часть заказов внешним исполнителям, политики лишь усиливают свои позиции в их отношениях с ведомственными экспертами. Можно, по-видимому, говорить о тенденции последнего десятилетия к частичному свертыванию деятельности ведомственных аналитических подразделений и расширения практики перевода прикладных исследований и разработок на контрактную основу, как это случилось, например, в *Департаменте труда США* (Morgan, ed.—2000. P. 272).

Смешанная структура с преобладанием конкурентных начал сложилась в Великобритании. Здесь ведущие экономические ведомства — *Казначейство* и *Банк Англии* — имеют свои модели³³. Одновременно государство на конкурсной основе через бюджет научных исследований финансирует еще несколько крупных экономических моделей при университетах и на базе независимого *Национального института экономических и социальных исследований*. Существует и коммерческий сектор, преимущественно в сфере прогнозирования (см.: Smith—2000. P. 286).

Преимущество конкурентных структур — в их гибкости. В условиях конкуренции представителям различных общественных интересов легче найти «свои» экономические модели, сформировать свои картины реальности и тем самым усилить свои позиции в политическом процессе. Но конкуренция в данной сфере имеет и обратную сторону.

Конкретные формы конкурентных структур существенно зависят от характера спроса и предложения на соответствующие виды разработок. Судя по британскому опыту, реальный коммерческий спрос имеется только на краткосрочные прогнозы. Но именно в этом наиболее коммерциализированном секторе конкурентная среда, по данным специальных исследований, оказывает негативное влияние на информативность прогнозов. В поведении прогнозистов наблюдается «стадный эффект»: невысокая надежность прогнозов заставляет их держаться общей линии коллег-конкурентов. Это, в частности, проявляется в том, что исходные

(модельные) прогнозы имеют большой разброс по результатам, чем публикуемые данные (Smith—2000. P. 75; см. также: Jegadeesh and Kim—2007).

Что же касается других видов аналитических разработок — долгосрочных прогнозов и рекомендаций по вопросам экономической политики, то они нуждаются во внерыночном финансировании и, следовательно, направляются другими критериями. По оценке Р. Смита, в сфере долгосрочного прогнозирования преобладают критерии, предъявляемые научными фондами, а в сфере среднесрочной экономико-политической аналитики — политические приоритеты (см.: Smith—1994. P. 75). При этом тесный альянс аналитиков со своими заказчиками ограничивает их независимость и может негативно сказаться на профессиональной репутации. Более того, грань между научной рекомендацией и пиар-поддержкой в этих условиях объективно размывается.

Ключевая проблема состоит, однако, в том, что сама по себе более квалифицированная защита определенной политической позиции не делает ее более влиятельной при принятии решений. Последнее зависит от наличия или отсутствия в политической системе стремления к достижению консенсуса. Джозеф Стиглиц выделяет три коренных различия между политическими режимами, ориентированными соответственно на консенсус и соперничество (см.: Stiglitz—1998. P. 19).

Первое — это различие между диалогом и полемикой. Консенсус предполагает открытый диалог, в котором стороны разъясняют свои позиции. Соперничество проявляется в полемике как средстве достижения политической победы: ее цель — скорее подорвать позиции оппонента, чем готовить почву для соглашения с ним.

Второе различие касается соотношения национальных и частных интересов. В согласительных (консенсусных) режимах национальный интерес — это концепция, разделяемая участниками политического процесса, причем для каждого из таких участников достижение согласия представляет самостоятельную ценность. В конфронтационных режимах предполагается, что каждая сторона выражает свои собственные интересы, и именно эти интересы агрегируются в процедурах голосования или иным образом, получая общественное признание.

Наконец, *третье* различие относится к характеру результата, достигаемого при решении общественных проблем. В согласительных режимах вопрос считается закрытым, если найдено взаимно приемлемое его решение. Прозрачность процесса поиска решений, сопричастность ему заставляют принять и придерживаться его даже тех, кому оно невыгодно. Напротив, в конфронтационных режимах никакой вопрос не может считаться закрытым: проигравшая сторона, как только у нее появятся голоса, чтобы соответствующий вопрос отыграть назад, — наверняка это сделает.

Рассмотренный выше опыт использования экономических моделей в политических процессах может служить иллюстрацией типологии Стиглица. Столкновение республиканского Конгресса и демократической Администрации по поводу проекта бюджета дает пример конфронтационного политического режима; механизмы американской *Тройки* и ФКОР ФРС, британского *Форума независимых прогнозистов* и голландского трипартизма — примеры консенсусных режимов разного уровня. В ряде случаев речь шла о согласовании разных оценок, полученных на разных экономических моделях, т. е. о формировании единой и более полной картины объекта. В последнем, голландском случае — о сопоставлении разных программ на одной модели, т. е. о диалоге при наличии общей точки отсчета. Последняя задача не столь амбициозна, как формирование общей картины экономической реальности, однако голландский выделяется тем, что относится к собственно политическому процессу, а не его ведомственной версии или экспертной имитации под эгидой высокопоставленных чиновников. По-видимому, общественный авторитет моделей голландского ЦПБ оказался достаточным, чтобы снять проблему социальной дифференцированности проекций экономической реальности.

Итак, общую схему взаимодействия теории и практики на базе прикладных экономических моделей можно представить следующим образом:

- различные школы экономической теории строят свои экономические модели, акцентирующие различные стороны объекта и экономико-политической ситуации;

- политические партии и группы интересов на основе этих моделей формируют свои социально-экономические стратегии, представляют и отстаивают их на политической арене;
- в рамках политического процесса происходит выбор государственной (национальной) стратегии либо путем отбора одной из частных стратегий (конфронтационный политический режим), либо путем формирования согласованной стратегии. Из этих двух сценариев только второй (консенсусный) включает механизм, обеспечивающий объективизацию и приращение того знания, из которого строится национальная стратегия развития. Упрощенная версия такого сценария возможна на основе предварительного принятия общей экономической модели как основы согласования частных стратегий;
- в рамках принятой социально-экономической стратегии процедуры, аналогичные выше перечисленным, воспроизводятся в процессе выработки и проведения текущей экономической политики с той разницей, что субъектами согласований и соперничества выступают уже не политические, а ведомственные и корпоративные интересы.

В качестве дополнительных условий эффективности участия аналитических центров в этих процессах можно выделить:

- независимый административный статус аналитических центров в административной иерархии;
- государственную поддержку независимых аналитических центров, занимающихся проработкой экономико-политических проектов и сценариев, долгосрочным прогнозированием (например, на основе британского опыта);
- открытость деятельности аналитических центров для общественности и поддержание атмосферы критической требовательности вокруг их работы, прежде всего силами научной (академической) общественности.

ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ИСКУССТВО: НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Если попытаться обобщить тенденции, характеризующие эволюцию прикладного экономического знания в экономической науке, то необходимо констатировать несколько моментов:

- во-первых, экономическая наука с момента своего зарождения была теснейшим образом связана с практикой и в этом смысле была в значительной мере прикладной даже тогда, когда этот факт оставался за рамками обсуждения в научном сообществе;
- во-вторых, актуализация вопроса о статусе и специфике прикладного знания была связана с процессом институционализации экономической науки на рубеже XIX – XX вв., прежде всего с появлением специализированных кафедр экономической теории, т. е. выделением *теории* из общего корпуса экономического знания, а не возникновением особой *прикладной* его части;
- в-третьих, логика эволюции собственно прикладного экономического знания определялась постепенным обогащением опытного знания элементами научного знания; важнейшим фактором такой эволюции служила тенденция к постепенной конкретизации теоретического знания, которая выразилась в появлении специальных теоретических дисциплин: экономики внешней торговли, труда, отраслевых рынков, общественного сектора, институциональной экономики и т. д. Именно связь этих двух тенденций обусловила терминологическое смешение прикладной экономики с областями специализированного теоретического знания и – как результат – затушевывание специфики собственно прикладного знания как знания, вовлеченного в контекст практической деятельности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что прикладная экономика — это та часть системы экономического знания, которая вносит во всю эту систему логику искусства. Конечно, современное искусство экономики базируется на науке. Это искусство отбора и комбинирования научных знаний для решения практических проблем. Но это именно искусство, поскольку оно невозможно без субъекта, который обладает кругозором, опытом и интуицией, позволяющими отбирать и комбинировать знания сообразно обстоятельствам места и времени³⁴.

Осознание того, что значительная и важная часть интеллектуальной работы экономиста относится к сфере искусства экономики, заставляет по-новому взглянуть и на другие, более привычные виды его деятельности. Как удачно показывает инициатор идеи возрождения искусства экономики в современных условиях Дэвид Коландер (Colander—2001. P. 19-25), этот новый взгляд многое расставляет по своим местам.

Признание искусства экономики прежде всего «развяжет руки» представителям «чистой теории», освободит их от постоянных упреков в непрактичности и отрыве от реальности. Более четко определится их место в научном сообществе как генераторов абстрактных моделей и схем, призванных развивать творческое воображение и вооружать экономистов новыми средствами интерпретации экономической реальности³⁵.

В то же самое время возрождение искусства экономики избавит современную прикладную экономику от методологического диктата теоретиков и особенно от бессмысленных усилий по обеспечению такой степени точности анализа, которая при описании реальных объектов заведомо недостижима (см. также: Mayer—1993).

Как следствие, осознание специфики искусства экономики внесет большую упорядоченность в сферу эмпирических исследований, позволит четче развести два принципиально различных типа таких исследований — эмпирическую проверку теоретических гипотез, с одной стороны, и эмпирические исследования на службе искусства экономики, с другой.

Более конструктивными, вероятно, станут и споры по вопросам экономической политики, если разногласия ценностного, нормативного характера будут в них отделены от разногласий ин-

струментальных, т. е. разногласий о выборе средств достижения согласованных целей.

Наконец, возрождение искусства экономики позволит переосмыслить многие дискуссионные вопросы экономического образования, прежде всего вопросы о соотношении в учебных планах теоретических и прикладных дисциплин, о распределении ресурса учебного времени между формированием теоретического воображения, инструментальных навыков и профессиональной интуиции. По прогнозу Коландера, «большую часть студентов будут учить тому, как интерпретировать, использовать и прилагать теорию, а не тому, как ее развивать» (Colander—2001. P. 24).

Итак, экономика как отрасль знания возникла в форме искусства и — вопреки широко распространенному мнению — никогда не переставала быть таковой. Экономическая теория отпочковалась от искусства экономики, причем по историческим меркам — совсем недавно: всего каких-то сто лет тому назад. Тем не менее и сегодня преобладающая часть интеллектуальной работы экономиста относится к сфере искусства экономики. В экономически развитых странах прикладные экономические исследования и разработки превратились в особую отрасль деятельности и соответствующий отраслевой рынок на стыке науки и политики, что придает ему немалую специфику. Однако эпистемологическая природа прикладного знания, особенности онтологических предпосылок и целевых установок прикладных исследований, их качественное отличие от предпосылок и установок традиционной науки остаются мало осознанными и не находят должного отражения в системах экономического образования и аттестации научных кадров.

Литература

- Ананьин О. 2005. Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М.: Наука.
- Блауг М. 2004. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: Журнал «Вопросы экономики».
- Вальрас Л. (1874) 2000. Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства. М.: Экономика.
- Дмитриева О.Г. 1992. Региональная экономическая диагностика. СПб. СПУЭиФ.
- Кейнс Д.Невиль. (1891) 1899. Предмет и Метод Политической Экономии. М.
- Клейнер Г.Б. 2001. Экономико-математическое моделирование и экономическая теория // Экономика и математические методы, Т. 37, N 3.
- Книс К. (1883) 1924. Политическая экономия с исторической точки зрения // Предмет и метод. Составитель — С.И. Солнцев. Л.: Путь к знанию.
- Корнаи Я. 1987. Здоровье наций. Размышления об аналогиях между экономикой и медициной // ЭКО. № 9. С. 150–166.
- Лидблом Ч.Э. (1977) 2005. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира. М.: ИКСИ.
- Маршалл А. (1890) 2007. Основы экономической науки. М.: ЭКСМО.
- Менгер К. (1883) 1894. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб.
- Мау В.А. 2003. Экономико-политические итоги 2002 года и особенности экономической политики в преддверии выборов // Вопросы экономики. № 2.
- Милль Д. Ст. 1914. Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. В.Н. Ивановского. 2-е изд. М.: Издание Г.А.Лемана.
- Милль Д.С. 2007. Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей // Милль Д.С. Основы политической экономии... М.: ЭКСМО.
- Нельсон Р., Уинтер С. 2000. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ.
- Риккерт Г. 1998. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика.

Литература

- Смит А. 2007. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО.
- Степин В.С. 2000. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция.
- Хайек Ф. 2003. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ.
- Шмоллеръ Г. (1893) 1902. Народное хозяйство, наука о народномъ хозяйстве и ея методы... М.: Издание К.Т. Солдатенкова.
- Шумпетер Й.А. (1949) 2007. Капитализм, социализм, демократия. // Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М.: ЭКСМО.
- Шумпетер Й.А. 2001. История экономического анализа. В 3-х тт. СПб.: Экономическая школа.
- Щедровицкий Г.П. (1991) 1995. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системно-деятельностного подходов // Избранные труды. М.: Школа культурной политики.
- Angner E. 2006. Economists as experts: Overconfidence in theory and practice // Journal of Economic Methodology. Vol. 13. N 1. P. 1–24.
- Backhouse R. and Biddle J. (eds.). 2000. Toward a History of Applied Economics. Annual Supplement to vol. 32 of the «History of Political Economy». Durham: Duke University Press.
- Backhouse R. and Biddle J. 2000. The concept of applied economics: a history of ambiguity and multiple meanings // Backhouse R. and Biddle J. (eds).—2000.
- Basu K. 1997. On misunderstanding government: An analysis of the art of policy advice // Economics and Politics. Vol. 9. N 3. P.231–250.
- Begg I. and Henry B. 1998. Introduction // Begg I. and Henry B.(eds). Applied Economics and Public Policy. DAE occasional paper: no. 63. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bergeijk P. e.a. (eds). 1997. Economic Science and Practice. The Role of Academic Economists and Policy-Makers. Cheltenham: Edward Elgar.
- Blinder A.S. What central bankers could learn from academics — and vice versa // Journal of Economic Perspectives. 1997. Vol. 11. N 2.
- Bray J., Hall S., Kuleshov A., Nixon J. and Westaway P. 1995. The interfaces between policy makers, markets and modellers in the design of economic policy: an intermodel comparison // Economic Journal, N 105.
- Cairnes J.E. 1888. The Character and Logical Method of Political Economy. L.: Macmillan.
- Coates J. 2001. The Claims of Common Sense: Moore, Wittgenstein, Keynes and the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press.
- Colander D. e.a. (eds.) 1994. The Art of Monetary Policy. Armonk: Sharpe.
- Colander D. (ed.). 2000. The Complexity Vision and the Teaching of Economics. Cheltenham: Edward Elgar.
- Colander D. 2001. The Lost Art of Economics: Essays on Economics and the Economics Profession. Cheltenham: Edward Elgar.

Литература

- Colander D. and Daane D.* 2001. The art of monetary policy // *Colander D.* The Lost Art of Economics. Essays on Economics and Economics Profession. Cheltenham: Edward Elgar.
- Colander D.* 2004. From muddling through to the economics of control: Views of applied policy from J.N. Keynes to Abba Lerner. Middlebury College Economics Discussion Papers. #04-21. // <http://www.middlebury.edu/~econ>.
- Comim F.* 2002. The Scottish tradition in economics and the role of Common sense in Adam Smith's thought // *Review of Political Economy*. Vol. 14. N 1.
- Cunningham W.* (1892) 1997. A plea for pure theory // *The Economic Review*. 1892. Vol. 2. Reprinted in: *Backhouse R. (ed.)* The Methodology of Economics: Nineteenth-Century British Contributions. Vol. VII: Marshall and Cunningham. L.: Routledge and Thoemmes Press.
- David P.* 2001. Path-dependence, its critics and the quest for 'historical economics' // *Garrouste P. and S. Ioannides (eds.)*. Evolution and path dependence in economic ideas. Cheltenham: Edward Elgar.
- Dean Ph.* 1983. The scope and method of economic science // *The Economic Journal*. Vol. 93.
- Den Butter F. G. and Morgan M. S. (eds.)*. 2000. Empirical Models and Policy-making: Interaction and Institutions. London etc.: Routledge.
- Den Butter F. G. and Morgan M. S.* 2000. What makes the model-policy interaction successful? // *Den Butter and Morgan (eds.)* – 2000.
- Donibue M.R. and Kitchen J.* 2000. The Troika process: economic models and macroeconomic policy in the USA // *Den Butter and Morgan (eds.)* – 2000.
- Dow A., Dow S., and Hutton A.* 2000. Applied economics in a Political economy tradition: The case of Scotland from the 1890s to the 1950s // *Backhouse and Biddle (eds.)*- 2000.
- Edison H.J. and Marquez J.* 2000. US monetary policy and econometric modelling: tales from the FOMC transcripts 1984–91. // *Den Butter and Morgan (eds.)* – 2000.
- Evans R.* 2000. Economic models and economic policy: what economic forecasting can do for government // *Den Butter and Morgan (eds.)* - 2000.
- Goodwin C. D. W.* 2003. Economics and economists in the policy process // *Samuels W., Biddle J., and Davis J. (eds.)*. A Companion to the History of Economic Thought. Oxford: Basil Blackwell. P. 606-621
- Hands D.W.* 1995. The methodology of empirical science economics: A closer look // *Hoover K. and Sheffrin S. (eds.)* Monetarism and the Methodology of Economics. Aldershot: Edward Elgar.
- Harrod R.* 1938. Scope and method of economics. // *The Economic Journal*. Vol.48, N 191.
- Hayek, F.* 1939. Introduction // *Thornton H.* An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain. New York.
- Hicks, J.* 1967. Thornton's Paper credit // *Critical Essays in Monetary Theory*. Oxford,

Литература

- Kim W. and N. Jegadeesh.* 2007. Do Analysts Herd? An Analysis of Recommendations and Market Reactions. NBER Working Paper 12866.
//<http://www.nber.org/papers/w12866>.
- Kirchgässner G.* 2004. The role of truth in economic policy advice. // *Mooslechner P. e.a. (eds.)* – 2004.
- Knight F.* 1924. The limitation of scientific method in economics // *Tugwell R.G. (ed.)* The Trend of Economics. New York: Alfred Knopf. 1924.
- Lange O.* 1945-46. The scope and method of economics // Review of Economic Studies. Vol. XIII(1). N 33.
- Leslie C.* (1879)1997. The known and the unknown in the economic world // *Backhouse R. (ed.)* Methodology of Economics: Nineteenth-Century British Contributions. Vol. V. L.: Routledge and Thoemmes Press.
- Machlup F.* 1969. Positive and normative economics: An analysis of the ideas. // *Heilbroner R. (ed.)* Economic Means and Social Ends. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Mayer Th.* 1993. Truth versus Precision in Economics. Aldershot: Edward Elgar.
- Mill J.S.* (1844) 1948. On the definition of political economy; and on the method of investigation proper to it // Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. L. P. 124 (Reprint: LSE. 1948).
- Moore G.* 2003. John Neville Keynes's solution to the English Methodenstreit // Journal of the History of Economic Thought, vol.25, N 1.
- Mooslechner P.e.a.(eds.)*. 2004. Economic Policy under Uncertainty. The Role of Truth and Accountability in Policy Advice. Cheltenham: Edward Elgar.
- Morgan M.S. (ed.)* 2000. The relevance of economic modeling for policy-making: a panel discussion // *Den Butter and Morgan (eds.)* – 2000.
- O'Flaherty B. and Bhagwati J.* 1997. Will free trade with political science put normative economists out of work? // Economics and Politics. Vol. 9. N 3.
- Pelikan P. and Wegner G. (eds)*. 2003. The Evolutionary Analysis of Economic Policy. Cheltenham: Edward Elgar.
- Robbins L.* 1981. Economics and political economy // American Economic Review, May.
- Roth A.* 2002. The economist as engineer: game theory, experimentation, and computation as tools for design economics. // Econometrica. Vol.70, N4. P. 1341–1378.
- Sen A.* Description as choice 1982. // Sen A. Choice, Welfare and Measurement. Cambridge (Mass): MIT Press.
- Slembeck T.* 2003. Ideologies, beliefs, and economic advice – a cognitive-evolutionary view on economic policy-making // *Pelikan and Wegner (eds.)*.–2003.
- Smith R.* 1994. The macromodelling industry: structure, conduct and performance // *Hall S. (ed.)* Applied Economic Forecasting techniques. NY etc.: Harvester Wheatsheaf. 1994.
- Smith R.* Emergent policy-making with macroeconomic models. 2000 // *Den Butter and Morgan (eds.)* - 2000.
- Stiglitz J.* 1998. The private uses of public interests: Incentives and institutions //

Литература

Journal of Economic Perspectives, Vol. 12, N 2.

Timbergen J. 1952. On the Theory of Economic Policy. Amsterdam: North Holland.

Weimer D.L. (ed.) 1995. Institutional Design. Boston: Kluwer Academic Press.

Wren-Lewis S. Conflicts between macroeconomic forecasting and policy analysis.

2000 // *Den Butter and Morgan (eds.)* – 2000.

Сноски

1. см., напр: Colander—1994; Weimer(ed.)—1995; Bergeijk e.a.(eds)—1997; Basu—1997; Backhouse and Biddle (eds)—2000; Den Butter and Morgan (eds)—2000; Colander—2001; Roth—2002; Goodwin—2003; Pelikan and Wegner (eds)—2003; Mooslechner (eds)—2004; Angner—2006; Kim and Jegadeesh—2007.
2. см.: Щедровицкий (1991)—1995. С. 148.
3. Подробнее о Г. Торнтоне см: Ананьин — 2005, гл.3.
4. см.: Науек—1939; Шумпетер (1954)—2001; Hicks—1967.
5. «Языком науки, — пояснял Милль, — являются утверждения типа «Это есть...», «Этого нет...», «Это происходит...» «Это не происходит...». Язык искусства состоит из утверждений «Делай это...», «Избегай этого...». Наука наблюдает явление и стремится открыть его закон; искусство ставит перед собой цель и ищет средства, как ее осуществить... Политическая экономия сама по себе не дает инструкций, как сделать нацию богатой; но чтобы квалифицированно судить о путях, ведущих нацию к богатству, нужно прежде всего быть политико-экономом» (Mill J.S.(1844)—1948).
6. Соотношение двух направлений «теоретической экономии» Менгер охарактеризовал следующим образом: «Точная национальная экономия, по самой природе своей, имеет задачей выяснять нам законы хозяйственности, а эмпирически-реалистическое учение о народном хозяйстве напротив — правильности в последовательности и сосуществовании реальных явлений человеческого хозяйства (которые, в их «полной эмпирической действительности», заключают в себе также и многочисленные элементы нехозяйственности!» (Менгер(1894)—1883. С. 54). Современный читатель вместо слов «хозяйственность» и «нехозяйственность» вполне может подставить в эту цитату более привычные термины: «экономическое» и «неэкономическое поведение».
7. Отличие подхода Вальраса выразилось в том, что «чистую политическую экономию» он определил как физико-математическую науку — по аналогии с механикой, гидравликой и геометрией. Вальрас полагал, что математический метод — рациональный, а не экспериментальный: «...математические науки... строят а priori конструкции своих теорем и их доказательств», адресуясь к опыту «не для того, чтобы подтвердить, а чтобы применить свои выводы». (Вальрас(1874)—2000. С. 23).
8. Современные исследования показывают, что на формирование примирительной позиции Д.Н. Кейнса активное влияние оказывал А. Маршалл (см: Moore—2003).
9. Кейнс(1891)—1899. С. 164. В этом вопросе Д. Н. Кейнс солидаризировался с У. С. Джевонсом: «В абстрактной (отвлеченной), или чистой теории политической экономии мы имеем дело исключительно с известными общими широкими принципами, безотносительно к конкретным экономическим условиям, или, как говорит Джевонс, с теми «общими»

Сноски

- ми законами, которые так просты по своей сущности и так глубоко коренятся в организации человека и в устройстве видимого мира, что они остаются неизменными на протяжении всех веков, доступных нашему изучению»... Достижимые ею результаты в известном смысле общеприменимы, так как они легко могут быть видоизменяемы соответственно с особыми обстоятельствами каждого данного случая; но сами по себе они всегда неполны, так как мы не можем с помощью их одних удовлетворительно объяснить себе хозяйственные явления действительной жизни» (Там же. С. 111)
10. Вводя конкретную экономику в свою классификацию, Д.Н. Кейнс не забывает подчеркнуть приоритетный статус чистой теории: «Построения отвлеченной теории отличаются такою логической определенностью, которой конкретная экономика по большей части лишена.. Учения конкретной экономики носят характер сравнительно случайный и неопределенный» (там же, с.113–114).
 11. Д.Н. Кейнс счел необходимым особо отметить, «что если какая-либо отрасль знания занимается тем, что должно быть, то это еще не достаточное основание для отнесения ее к категории искусства, как чего-то отличного от науки. Как логика, так и этика – науки, несмотря на то, что первая занимается правильным мышлением, а вторая – правильным же поведением» (Кейнс(1891)–1899. С. 27).
 12. В частности, и «практические науки» Менгера, и «прикладная политэкономия» Вальраса попадали, по классификации Д.Н. Кейнса, скорее в раздел «конкретной экономики» в рамках науки политической экономии, чем в сферу искусства политической экономии (см.: Кейнс(1891)–1899. С. 45–46).
 13. Цит. по: Coates–2001. Р. 83. Отсюда предпочтение, которое Кейнс отдавал обычному языку как носителю неявного знания, перед языком формальным. Он считал, что «в обычном разговоре, где нет места слепому манипулированию, и мы постоянно отдаем себе отчет в том, что мы делаем и что означают наши слова, мы в состоянии «держат в уме» необходимые оговорки и уточнения, которые потребуются впоследствии..» (Там же. С. 96).
 14. Характерным представителем этой тенденции, по мнению Д. Коландера, может служить А. Лернер, один из авторов вальрасианской версии «рыночного социализма» (см.: Colander–2004).
 15. «Не то чтобы предвидение... в сфере человеческих явлений было невозможно, -- отмечал Найт, -- но формальные методы науки могут иметь здесь лишь ограниченное применение. Здравый смысл также способен к предвидению... и его можно тренировать, чтобы лучше предвидеть и контролировать; но отсюда не следует, что наука может предвидеть и контролировать лучше, чем здравый смысл... Сомнительно, чтобы применение... логических методов и канонов принесло столь же хорошие результаты, как неформальные, интуитивные суждения, которые – если их усовершенствовать и развить – становятся искусством. Но искусство – это не наука, и только в узких границах его можно свести к науке (в этом случае оно, конечно, перестает быть искусством). Представляется, что наука – это особая техника, созданная и применяемая для контроля физической природы, но так часто провозглашаемый и повторяемый идеал переноса этих процедур в сферу социальных явлений покоится на серьезном непонимании» (Knight–1924. Р. 254).
 16. см., напр.: Хайек–2003.
 17. В России такая установка нашла выражение в критике идеи отраслевой, или промышленной политики – «пагубной самонадеянности» в форме «злоупотребления государства пресловутым стратегическим планированием» (см.: Мау–2003).
 18. По признанию известного, в том числе своими прикладными исследованиями, американского экономиста Д. Аллена, «прикладная экономика могла быть чем угодно, но только не приложением экономической теории» (Backhouse and Biddle–2000).
 19. см., напр.: (Шумпетер(1949)–2007. С. 439; Шумпетер–2001. С. 12), а также статью Я. Корнаи «Здоровье наций», специально посвященную этой теме (Корнаи–1987. С.

Сноски

- 150–166). В отечественной литературе аналогичная позиция представлена, напр., в монографии: (Дмитриева–1992).
20. В контексте проблем современной экономической науки этот вопрос вновь поставил Амартия Сен, показав условность границы между описанием и предписанием. Никакое описание не может быть совершенно нейтральным, лишенным ценностного начала. Описание – это всегда выбор (Sen–1982).
 21. Разграничение наук о природе и о культуре фиксирует лишь общую тенденцию и не влечет, по Риккерт, запрета на использование какого-либо из методов образования понятий в любой науке. Среди наук о культуре он выделял промежуточные случаи, относя к ним и политическую экономию. В таких науках неосновной способ образования понятий играет относительно большую роль, прежде всего в силу важности в экономической жизни массовых явлений (см.: Риккерт–1998).
 22. Характерно, что один из самых активных протагонистов перехода экономической науки на рельсы маржинализма, автор знаменитого определения предмета «экономикс» Л. Роббинс оставлял за «политической экономией» именно прикладную, неизбежно пронизанную ценностными суждениями компоненту экономического знания. «Политической экономии в таком понимании нечего стесняться интереса к предпосылкам политики и результатам, которые из них следуют». Она задействует «все виды анализа, а также явные или скрытые ценностные суждения» (Robbins–1981. P.1–10).
 23. Подробнее об эпистемологических фильтрах см.: Ананийн–2005, гл.2.
 24. Анализ ситуации в этой области с учетом отечественного опыта см.: Клейнер–2001.
 25. см. также: Evans–2000. P.206–228.
 26. Эта тема имеет важный теоретический аспект, который в данной работе специально не рассматривается: современный уровень развития теории не позволяет получить однозначного ответа даже в некоторых стандартных и теоретически изученных ситуациях. Так, при оценке совокупного макроэкономического эффекта роста заработной платы этому мешает разнонаправленность изменений его составляющих: эффекта дохода и эффекта замещения (см.: Kirchgässner–2004. P. 95).
 27. см.: Bray, Hall, Kuleshov, Nixon. and Westaway–1995. Объектом исследования служили модели Казначейства, Оксфордского центра экономического прогнозирования (OEF), Лондонской бизнес-школы и Национального института экономических и социальных исследований (NIESR).
 28. см. выше упомянутые работы А. Блайндера, Р. Смита, Ф. Ден Буттера и М. Морган.
 29. Президент Федерального резервного банка Нью-Йорка является постоянным членом ФКОР, президенты других резервных банков входят в его состав поочередно, в порядке ротации (см.: Edison and Marquez–2000. P. 188-189).
 30. Так, опыт подобного сотрудничества ЦГПБ с голландскими «зелеными» из Зеленой левой партии подтолкнул ЦГПБ к более тщательному анализу проблем окружающей среды: см.: Morgan, ed.–2000. P. 273.
 31. Организационное объединение статистики и моделирования, по-видимому, отражает исторически сложившуюся в этой стране опору на модели «затраты-выпуск», тесно связанные с системой национального счетоводства.
 32. О важности отделения статистики от политических влияний см. также: Stiglitz–1998. P. 17.
 33. Заслуживает внимания тот факт, что модель Казначейства открыта для общественности. А с 1976 г. на Казначейство возложена обязанность публиковать свои прогнозы не реже двух раз в год.
 34. Согласно Ф. Махлупу, отнесение определенных видов практической деятельности к искусству предполагает, что в них важную роль играет «сочетание таких человеческих качеств, которые невозможно получить из книг... Эти виды деятельности суть «искусства», так как для них важны способность суждения, интуиция, изобретательность и

Сноски

воображение; требуется умение корректно диагностировать и делать прогнозы...» (Machlup—1969. P. 107).

35. Д. Коландер приводит красноречивые высказывания тех немногих экономистов-теоретиков, которые находили в себе мужество явным образом отказываться от экономико-политических выводов из своих концепций. Так, Р.Лукас на вопрос, что бы он сделал в случае назначения в состав Совета экономических консультантов, ответил: «Подал бы в отставку». Столь же прямо на вопрос о значимости его исследований для экономической политики ответил Жерар Дебре: «Никакой» (см.: Colander—2001. P. 8).

Олег Игоревич
Ананьин

Ананьин Олег Игоревич - руководитель Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН; профессор, заведующий кафедрой экономической методологии и истории Государственного университета - Высшей школы экономики. Закончил экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и аспирантуру ИЭ АН СССР, кандидат экономических наук. Сфера научных интересов охватывает такие области, как философия и методология экономической науки, история экономической мысли, экономическая компаративистика.

«Теоретическая экономика»

Ананьин О. И.

Экономика: наука и/или искусство

Оригинал-макет *Валериус В. Е.*

Редактор *Пуцаева Л. Д.*

Корректор *Кодяев Д. Ю.*

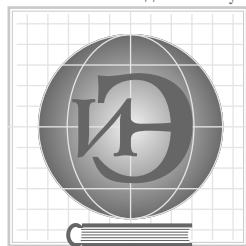
Компьютерная верстка *Кодяев Д. Ю.*

Подписано в печать 01.10.2007.
Заказ № 74. Тираж 300. Объем 3 п.л.
Отпечатано в ИЭ РАН.

Научные доклады Института экономики РАН,
вышедшие в первом полугодии 2007 года:

1. **Рубинштейн А.Я.** К вопросу расширения «чистой теории общественных расходов».
2. **Зельднер А.Г.** Концептуальные подходы к стратегии и тактике государственного регулирования экономики.
3. **Либман А. М.** Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития.
4. **Верников А. В.** Формы собственности и институциональные изменения в банковском секторе.
5. **Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.** Основные направления научных исследований и структура Института экономики РАН.
6. **Павлов И. А.** Поведенческая экономическая теория — позитивный подход к исследованию человеческого поведения.
7. **Бокарев Ю. П.** Экономическая история и экономическая теория.
8. **Ефимов В. М.** Об интерпретативной институциональной экономике.
9. **Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.** Методологические основы экономической синергетики.
10. **Смотряцкая И. И.** Развитие рынка государственных заказов: институты и механизмы.
11. **Рубинштейн А.Я.** Человеческий капитал и реформы нового времени.
12. **Луговой О. Ю.** Конкурирующее государство.
13. **Лыкова Л.Н.** Современное состояние отечественной налоговой системы: некоторые проблемы.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (495) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

